

Лизз Демаро

НЕБЕСНЫЙ
БЕРЕГ

18+

Откровения мрака

Лизз Демаро

Небесный берег

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лизз Демаро

Небесный берег / Лизз Демаро — «Издательство АСТ»,
2023 — (Откровения мрака)

ISBN 978-5-17-157279-2

Рожденных в авторитарной Форте магов отправляют на арену «Небесный берег», заставляя сражаться насмерть. Эверлинг, Герсий и Эванжелина — лучшие бойцы арены, ставшие друг другу семьей. Когда в следующем бою их ставят друг против друга, они решают сбежать. Тем временем в дремучих лесах Форты взрывается подпольная лаборатория. А из-под обвалов выбираются двое похищенных в надежде сбежать от боли. Судьбы героев переплетаются в паутине событий, где на кону — их жизни и судьба всех магов. Смогут ли они найти путь к свободе и справедливости в мире, где даже самые близкие люди готовы пойти на предательство?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157279-2

© Лизз Демаро, 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Дисклеймер	6
	7
	17
	27
	33
	45
	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лизз Демаро

Небесный берег

Дизайн обложки Екатерины Климовой
Иллюстрация на обложке Яны Слепцовой

© Лизз Демаро, 2023
© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2023
© Наталья Динер, внутренние иллюстрации, 2023
© Алена Позляева, иллюстрации карт, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Дисклеймер

В «Небесном берегу» поднимаются сложные темы, и я не хочу, чтобы вы чувствовали себя плохо в процессе и после чтения. Я писала эту историю не с целью навредить. И, если вы не уверены в своем психологическом состоянии, примите комфортное для вас решение.

В «Небесном берегу» есть описания:

- насилия и жестокости;
- сексуализированного насилия;
- психологического насилия;
- насилия над детьми;
- детальных убийств.

Также присутствует ненормативная лексика.

Издательство, ответственный редактор, литературная редакторка, а также я как авторка, не оправдывают насилие и ни к чему не призывают.

Книга является художественным вымыслом.

*Алану. Надеюсь,
у тебя все в порядке.*

*Самой важной в моей жизни Кате.
Без тебя бы ничего не вышло. Ты лучшая.*

*Главный порок – это норма,
на которой он основан.*
Платон. Государство

Глава 1

Кровавый Император

– Кровавый Император! Кровавый Император! – скандировала толпа аристократов, поглощенная яростным возбуждением.

Тонкие лианы отслоились от пропитавшихся кровью стен арены и ринулись в сторону Эверлинга. Он ловко увернулся, взмахнул мечом и обрубил ветви. На лице заиграла жесткая усмешка: подобным его не победить, но попытка вышла хорошая. Парню, которого поставили против Эверлинга, было около двадцати, но рядом с Кровавым Императором он казался меньше и слабее.

Арена «Небесный берег» располагалась в самом центре Партума и являлась популярнейшей достопримечательностью Форты. Туристы сюда заезжали редко, и арена их не воодушевляла, как коренных граждан. Однако люди из соседних городов неизменно шли к арене, чтобы посмотреть на нее хотя бы снаружи. Увидеть место, в котором под замком держали опасных магов, хотели если не все жители страны, то многие.

Толпа не замолкала ни на секунду:

– Кровавый Император! Кровавый Император!

Эверлинг предпочел бы не улавливать в диком реве собственное прозвище. Он никогда не удостоивал толпу вниманием, словно смотреть на них – ниже его достоинства. В реальности все было с точностью до наоборот: аристократы часто кидали на него снисходительные взгляды, дарили пошлые улыбки. В такие моменты Эверлинг не задумывался об их желаниях, иначе не выдержал бы, как не выдерживал всякий раз, выходя на арену и кромсая чужие жизни. Власть имеющие непременно напоминали – он ничтожество, которое должно беспрекословно подчиняться тем, кто лучше, сильнее, влиятельнее.

Но на арене он был Императором. Всемогушим и жестоким.

Гул толпы отошел на второй план. Эверлинг подкинул меч, поймал, перехватив другой рукой. Ухмыльнулся: жадно, голодно, хищно. Губы застыли. Глаза заволокла стеклянная пелена. С начала битвы он ни разу не использовал магию. Раз толпа требовала зрелища, Эверлинг должен был его предоставить.

В несколько уверенных шагов он сократил расстояние между собой и противником, сделал выпад с мечом в руке – ложный – и отступил. Взгляд соперника молил о скорой и безболезненной смерти. У этой битвы мог быть один исход: победа Эверлинга и смерть его противника.

Такую установку дал Ирмтон Пини, владелец «Небесного берега», перед тем, как выпустить Кровавого Императора из загона.

Парень, резко вздернув руку, хотел использовать магию.

Несколько еще целых лоз неизвестного Эверлингу растения шевельнулись. Лежащие перед ним ветви взмыли в воздух, развернулись острыми краями и полетели напрямик в глаза. Видя, как маленькие точки приближаются и становятся больше, Эверлинг даже не шелохнулся. Немигающим взглядом он наблюдал за атакой отстраненно, словно находился далеко за пределами арены. А потом рубанул по ветвям и направился к противнику, но затормозил на полпути: атака повторилась. Снова. Эверлинг с легкостью отразил ее. Снова.

Они повторили одни и те же движения еще дважды. Бой начал докучать Эверлингу. Паренек остановился: видимо, не мог придумать ничего интереснее. Он вряд ли умел толком драться – Эверлинг понял это, едва увидев его, такого хрупкого и напуганного.

Крик толпы на мгновение показался Эверлингу оглушительным. Он откинул меч, набросился на паренька и несколько раз ударил под дых. Отскочил в сторону, обернулся, глянув на меч, и неоднозначно хмыкнул: хотел вернуться за оружием, а после использовать магию, но в итоге остался стоять на месте. Противник опустился на одно колено и тяжело задышал. Эверлинг вскинул ладонь, сжал в кулак, и паренек резко схватился за грудь, начав кашлять. Из горла вырывались сначала стоны, потом всхлипы. Эверлинг слишком часто слышал эти звуки, и его окаменевшее сердце давно перестало сжиматься из-за боли, которую он причинял другим.

Он разжал кулак, и его противник рухнул на землю. Толпа кричала: им было мало.

Им всегда мало.

Им всегда надо больше.

Эверлинг невольно повернулся в сторону, где стоял Ирмтон Пини, столкнулся с его суровым, холодным взглядом и понял: заканчивать нельзя, нужно больше зрелища, больше крови. Секунды, когда он понимал, что бой нужно продолжать, всегда были самыми невыносимыми.

Парень отдышался и попытался подняться, но почувствовал новый спазм и снова застонал. Эверлинг вальяжно подошел, пнул соперника три раза подряд – не сильно, скорее для виду – и присел на корточки. Он ощущал, как течет кровь внутри парня, как она замедляется, превращаясь в тугий ком, сделанный точно из стали.

– Последние слова? – нагнувшись к уху паренька, равнодушно спросил Эверлинг.

Он уже сбился со счета, сколько раз произносил эту фразу, сколько разных ответов слышал. Каждый был пропитан болью и затаенной надеждой на спасение.

– Уже?... – послышался неуверенный ответ.

– Нет. Но вряд ли еще представится возможность.

Паренек быстро втянул столько воздуха, сколько мог. Пауза затянулась, и Эверлинг уже хотел нанести удар, но он произнес:

– Причины мне меньше боли, чем можешь. Пожалуйста.

Это была невыполнимая просьба. Но Эверлинг молча кивнул.

– Меня зовут Бенат. Мать говорила, мое имя означает «смелый как медведь», – продолжал парень. – Вдруг хотя бы ты будешь меня помнить после того, как убьешь.

Эверлинг ничего не ответил. Он помнил каждого, чью жизнь отнял, но ни у кого никогда не спрашивал имени. Бената он запомнит.

Говорить, что Бенат действительно очень смелый, Эверлинг не стал.

Снова столкнувшись взглядами с Ирмтоном Пини, он понял, что пора начинать то шоу, ради которого большинство сюда явилось. Эверлинг поднялся. Каждое убийство разрывало душу на части.

Бенат по-прежнему стоял на коленях. Сражаться с Кровавым Императором было бессмысленно: это знали все бойцы, находившиеся на арене. У Кровавого Императора не было ни одного проигрыша за все длительное пребывание здесь. «Небесный берег» в каком-то смысле

стал Эверлингу домом и сделал из него того, кем он являлся. Такое могли про себя сказать далеко не все. Многие не прекращали бояться ни на секунду – Эверлинг же не боялся никогда. Так, во всяком случае, говорили о нем те, кто смотрел со стороны.

По мановению его руки Бената швырнуло в стену, и Эверлингу послышался хруст костей. Рот у противника распахнулся, но крика не последовало. Эверлинг не хотел называть его по имени даже в мыслях, он вообще предпочел бы не знать его. Парень рухнул на землю, и Эверлинг сжал кулак снова: нарушил кровообращение. Кровь внутри стала жесткой.

Приблизившись, Эверлинг протянул к нему выпрямленную ладонь и сделал плавный оборот: руки у противника медленно начали выворачиваться под неестественным углом и ломаться. Парень кричал. Эверлинг не слышал крика боли за восторженным воплем зрителей. Сколько секунд прошло, прежде чем до ушей Эверлинга донесся заветный хруст костей, он не считал. Когда он сделал еще один плавный оборот ладонями, с ногами произошло то же самое. Крик паренька сливался с упоительным гулом толпы.

Эверлинг не раз думал, почему именно их, магов, бойцов на арене, называли монстрами, когда настоящие монстры сидели на трибунах и выглядели вполне прилично. Их руки не были запятнаны в крови, одежда всегда была чистой, а лица сияли невинностью. Но внутри сидели демоны с острыми зубами и сверкающими глазами. Эти демоны готовы были вцепиться в глотки кому угодно, особенно тем, у кого не было влияния и власти.

Эверлинг снова швырнул его – в противоположную стену, ударил о пол и еще раз о стену. Каждый удар сопровождался хрустом костей. Бенат еще дышал. Эверлинг снова вывернул ему конечности одним движением руки. Сломал каждый палец по очереди. Сломал уже поломанные кости. Раздробил их. Сломал ребра. Сломал еще раз.

Тяжелыми шагами он подошел ближе. Хриплое, медленное дыхание сопровождалось свистами, изо рта текла кровь. Глаза с трудом держались полуоткрытыми. Эверлинг не давал обещания причинить меньше боли, он просто выслушал последние слова. День оказался слишком жарким. Эверлинг на мгновение закрыл ладонью глаза и выдохнул.

А после убил Бената.

Знакомая усталость растеклась внутри, захотелось рухнуть на колени, завывать, заснуть и больше не просыпаться. Но он продолжил неподвижно стоять. Такое случалось каждый раз, когда противники испускали последний вздох. Эверлинг хотел умереть следом.

Аристократы вскричали, кто-то повскакивал с мест, кто-то захлопал, и каждый пребывал в безудержной радости. Лица украшали безумные, дикие улыбки.

– Кровавый Император! Кровавый Император! – снова скандировала толпа.

Первый раз Эверлинг убил, когда ему было семь. Это произошло случайно. Тогда он не умел управлять своей магией и едва ли знал о ее существовании. Не понимал, что и как сделал. Ему просто было необходимо защититься от мужчины, захотевшего его облапать, похитить, избить. Или что-то намного хуже. Эверлинг не догадывался.

Он не смотрел на бездыханное тело паренька. Бесчувственный взгляд устремился куда-то перед собой. В голове мелькали картинки: темная подворотня на окраине Партума в холодную зимнюю ночь. Он сбежал из приюта в день, когда на улице поднялась жуткая метель. Огромные белые хлопья вместе с ветром чуть не сбивали с ног. Он прислонился к стенке и старался найти какое-то укромное место, чтобы переждать плохую погоду, а после снова отправиться в путь. Куда идти, он не знал, зато был уверен, что в приют не вернется – там слишком много правил, слишком много брошенных детей, слишком много боли. А боли ему хватало и своей.

Маленький Эверлинг спрятался около мусорных баков. И, как назло, какой-то мужчина решил заглянуть именно туда. Эверлинг надеялся остаться незамеченным. В воспоминаниях незнакомец улыбнулся и потянул к нему руки. Открывал рот, что-то говорил, но слова напрочь стерлись из памяти. Может быть, мужчина и не желал ничего плохого, может быть, хотел помочь – сейчас об этом никто не узнает.

Чувства, которые накрыли маленького Эверлинга в тот момент, оказались настолько сильными, что он не смог их контролировать. Мужчина коснулся его плеча, спины, хотел прижать к себе. Был это страх, ярость или желание защитить себя, Эверлинг тогда не понял, но почувствовал прилив небывалой до этого силы, которую не хотел и не мог сдерживать. Она пламенем зародилась в сердце и распалась, пока не хлынула наружу плотным потоком.

Спустя несколько недолгих мгновений мужчина лежал мертвым, а маленький Эверлинг был в его крови.

Он моргнул. Это воспоминание не было его кошмаром, но именно оно всплывало в памяти каждый раз, когда он наносил последний удар и заканчивал бой.

Ирмтон Пини вышел на середину арены и гордо провозгласил:

– Победил Эверлинг Рагнар, Кровавый Император!

Эверлинг чувствовал, как внутри закипает ярость. Опять. Она жаром опаляла внутренности и придавала силы. Он знал, что в любой момент может убить Ирмтона, раскидать охранников и оказаться на свободе. Но что делать на свободе в городе, где все его ненавидят, Эверлинг не понимал. Как и не понимал того, насколько был готов оставить тех, кого, вопреки всему, любил.

Его любовь была жесткой. Непривыкший проявлять чувства, он никогда не говорил добрых слов и не дарил тепла, зато в любой момент мог растерзать на части врагов.

В толпе хлопали все без исключения. Он повернулся лицом к Ирмтону Пини, подошел и поклонился зрителям. Это дурацкое правило выводило из себя. Что могло быть глупее, чем кланяться обезумевшей толпе, которая жаждала крови? Этого требовали правила приличия высшего общества и правила арены, за нарушение которых следовало наказание. Эверлинга такой распорядок веселил: наказывать тех, у кого вся жизнь – одно сплошное наказание, казалось по меньшей мере нелепым.

Ирмтон Пини ухватил его за запястье и поднял, вызвав новую волну восторженных криков. Эверлинг сжал зубы. Он ненавидел его прикосновения. Эверлингу хотелось убивать. Без раздумий, без представлений. Ирмтон Пини стиснул руку сильнее, чем требовалось, и Эверлинг заметил, как губы у того слегка поджались: Ирмтон Пини был в бешенстве.

Когда зрители начали вставать и уходить, Ирмтон и Эверлинг направились к решетчатым воротам, в проходе которых стояла полноватая женщина в светло-желтом платье. Окружное лицо выражало серьезность, брови немного сдвинулись к переносице и делали серые глаза выразительнее, чем обычно. В руках она держала небольшую сумочку, а одной ногой то и дело стучала по полу. Элиса Пини, жена Ирмтона, не поздоровалась, когда они подошли, и не удостоила Эверлинга даже взглядом.

– Когда мы пойдем домой? – требовательно спросила Элиса.

Ирмтон вздохнул и наконец выпустил руку Эверлинга. К ним подошел высокий мужчина в дорогом черном фраке в сопровождении одного стражника. Мужчина и Ирмтон пожали друг другу руки.

– Совсем скоро, моя дорогая, – сухо отозвался Ирмтон.

Эверлинг заметил у стражника тонкий стальной ошейник. Такие ошейники носили все маги. Снимать его позволялось только во время боя и некоторых тренировок под зорким наблюдением инструкторов. Он сделал глубокий вдох: ошейники Эверлинг ненавидел всем сердцем, они душили с каждым годом сильнее. Их невозможно было сломать или снять без ключа – он пытался не один раз. Пытался не только он.

Ирмтон Пини и аристократ, пришедший с трибун, о чем-то тихо разговаривали, стоя поодаль. Краем глаза Эверлинг заметил, как мужчина вручил Ирмтону конверт. Скорее всего, там были деньги. Скорее всего, ставка на следующий бой, в котором должна была биться Эванжелина. Он поморщился и услышал, как Элиса протяжно и недовольно вздохнула, почувство-

вал ее презрительный взгляд на себе и с трудом сдержал вертевшиися на языке оскорбления. Ирмтон с аристократом подошли к ним.

Мужчина в черном фраке улыбнулся, глядя на Эверлинга, и протянул руку, дотронувшись пальцами до плеча. Еле уловимое касание заставило Эверлинга незаметно дернуться в сторону. Мужчина продолжал улыбаться.

– Может, ты согласишься отдать Кровавого Императора в мое распоряжение? Всего на одну ночь, Ирмтон. Утром я верну его. – Он не сводил глаз с Эверлинга, а Эверлинг принципиально не поворачивался к нему.

Ирмтон рассмеялся:

– В другой раз, мой дорогой друг, в другой раз.

Шутил ли Ирмтон или действительно планировал продать его как шлюху, Эверлинг не догадывался. Его, Кровавого Императора, Пини не продавал ни разу, но что ждало в будущем – оставалось загадкой, и вряд ли даже сам Ирмтон знал свои решения наперед.

Мужчина приподнял шляпу в прощальном жесте.

– Что ж, буду надеяться, что рано или поздно мне повезет и я проведу незабываемое время с профессиональным убийцей.

Он ушел.

Эверлинг не произнес ни слова, но внутри все закипало от злости, и этой злостью он хотел испепелить все, что видел. Он стискивал кулаки с такой силой, что на ладонях должны были появиться тонкие следы-полумесяцы. Эверлинг надеялся поскорее оказаться в подземельях, увидеть Эванжелину, Джейлея с Джодерой. Даже Герсия видеть было приятнее, чем Ирмтона и Элису Пини. На несколько секунд он задержал дыхание.

– Не бойся, Кровавый Император, – подойдя вплотную к нему, прошептал Ирмтон. – Если кто-то тебя возьмет, то это буду я.

Они посмотрели друг другу в глаза. Ирмтон – с привычной издевкой, Эверлинг – с пылающим гневом и отвращением. В их безмолвных битвах никогда не было победителя. Каждый был готов стоять до последнего.

Элиса никак не отреагировала и сделала вид, что не слышала. Впрочем, может быть, действительно не слышала. Она отстраненно смотрела вглубь длинного коридора.

Ирмтон жестом приказал стражнику надеть на Эверлинга ошейник. Услышав привычный щелчок и почувствовав ненавистный холод и тяжесть на шее, Эверлинг направился в коридор.

Стражник последовал за ним, обогнал, задев плечом, и стал идти впереди: этого тоже требовали правила, но такую вольность Эверлингу спускали с рук. В конце концов, не просто так он стал одним из трех лучших бойцов арены.

Охранник сжал кинжал одной рукой и бросил взгляд на висящее за спиной ружье. Многие так делали. Словно боялись, что Эверлинг мог использовать магию, несмотря на ошейник, блокирующий любую силу. Эта страна отрицала магию, но сама же использовала магические артефакты, чтобы не позволить магам проявить свою мощь, даже если она могла спасти чью-то жизнь. Форта в глазах Эверлинга олицетворяла абсурд.

Он посмотрел стражнику в затылок. Не будь ошейника, он бы его убил. Не будь у охранника оружия, он бы его избил. Но оставалось молча и покорно идти следом по давно изученному коридору в место, где Эверлинг жил с семи лет.

– Я бы вас всех на цепи держал, – уничижительно бросил охранник.

Эверлинг слышал массу вариантов одной и той же мысли. Каждый, кто сопровождал его, непременно говорил что-то, что должно было больно зацепить нечто внутри. И он бы с радостью сказал, что не цепляло, но гнев закипал всегда. После каждой надменно брошенной фразы, после каждого высокомерного оскорбления. Если бы стражник обернулся, то увидел в его глазах жажду крови, ту самую, которая бушевала в тех, кто платил деньги за жестокое зрелище в «Небесном берегу». Но он не обернулся.

Дойдя до массивной двери, оба остановились. Охранник постучался, с той стороны шелкнул замок, и другой охранник впустил Эверлинга. Все происходило в тишине, никто ни с кем не здоровался. Все выполняли то, что должны. Напряжение между ними было почти физическим. Стражники встали по стойке смирно около закрытой двери позади Эверлинга. Он оказался в просторной комнате с несколькими диванами и креслами, парочкой журнальных столиков и шкафов с потрепанными старыми книгами. Ирмтон Пини хотел создать намек на обычную жизнь, но зал смотрелся слишком пустым, а от каменных стен веяло холодом.

Предполагалось, что здесь можно отдохнуть, но при вечном наблюдении это было нереально, поэтому здесь либо ждали своей очереди, чтобы отправиться на арену, либо ожидали кого-то с боя. Как Эверлинга ожидали Эванжелина, Герсий, Джейлей и Джодера.

Миниатюрная Эванжелина в бесформенной серой сорочке, напоминающей балахон, расположилась на диване. Рядом лежала раскрытая на середине книга, которую она пыталась читать, но от волнения не могла сосредоточиться. Рыжие волнистые волосы растрепались, сама Эванжелина свернулась клубочком. Темно-синие глаза были слабо приоткрыты: она точно слишком много нервничала и сильно устала. Эверлинг направился к ней.

Краем глаза он заметил Герсия. Тот в обычной тренировочной форме темно-серого цвета стоял около шкафа и упорно не оборачивался на Эверлинга, хотя уже понял, что он вернулся. Эверлинг задержал на нем взгляд дольше нужного, подмечая напряженные плечи и идеально ровный низкий хвост. Герсий всегда собирал волосы именно таким образом, хотя все, кроме Эверлинга, говорили, что с распущенными ему идет намного больше. Джейлей и Джодера обожали их иссиня-черный цвет, а Эванжелина, когда была маленькой, часто просила разрешения заплести косички. На мгновение Эверлинг улыбнулся уголками губ и сразу же вернул внимание к дремлющей Эванжелине. Герсию он не сказал ни слова, а Герсий не сказал ни слова ему.

– Брось ты, он никогда не проигрывает, – слышался задорный голос Джодеры. – Ты можешь вспомнить хотя бы один бой, когда Линг проиграл? Вот и я нет!

Джейлей и Джодера Элберзы, до одури похожие друг на друга, сидели в двух креслах у дальней стены. Оба выглядели вполне уверенными в его победе, разве что Джейлей – с долей сомнения, а Джодера – с гордостью и радостью. У Эверлинга вырвался смешок: они были одинаковыми и в то же время разными. Джодера и Джейлей не были близнецами, но внешнее сходство поражало: темная кожа, красиво блестящая в свете солнечных лучей, одинаковые лица овальной формы, большие карие глаза и пухлые розоватые губы. Будь они одного пола, Эверлинг бы не отличил их. У Джодеры кудрявые темные волосы доставали до поясицы, а у Джейлея слегка топорщились вокруг головы, напоминая ежик.

– Не было такого, чего ты меня с толку сбиваешь! – воскликнул Джейлей.

– Вот и я о том же, дурень! Наш Линг обязательно победит, по-другому и быть не может. И вообще! Ты своими сомнениями заставил Эву и Гера волноваться! – недовольно и достаточно громко ответила Джодера.

Ее брат развел руками, мол, что поделать, как же тут не волноваться, когда такое происходит. «Такое» происходило постоянно. Каждые одну-две недели последние одиннадцать лет, с момента, как его первый раз выпустили на арену. Эверлингу тогда было двенадцать.

Джейлей и Джодера не замечали присутствия Эверлинга, и он не мешал им.

– Эва и Гер всегда волнуются, Джо! – отозвался Джейлей. – Отличается их волнение тем, что Эва обо всех заботится, а Гер строит из себя непробиваемую стенку и держит все в себе.

Это было правдой. Эверлинг сел на диван, где устроилась Эванжелина, только на другой конец, чтобы не побеспокоить ее. Она встрепенулась и открыла глаза, удивленно огляделась, заметив его. И со спокойной радостью улыбнулась.

– Ты в порядке.

Это не было вопросом. Эванжелина не замечала испачканной в крови одежды, потому что на ярко-красном костюме кровь разглядеть было сложно. Цвет костюма Эверлинга в сего-

дняшнем бою соответствовал цвету волос и характеру: такой же огненный, кровавый, такой же неистовый, буйный, упрямый. Пряди слиплись и казались мокрыми: то была кровь Бената. Эванжелина понимала и это, но все равно спокойно улыбалась и была рада.

– Я в порядке, – эхом подтвердил Эверлинг.

Джейлей и Джодера замолчали и приподнялись со своих кресел, заметив Эверлинга.

– С возвращением! – одновременно выкрикнули Джейлей и Джодера и ринулись к дивану, где сидели Эванжелина и Эверлинг.

Вовремя затормозив, они чуть не свалились на них, но смогли устоять. И рассмеялись.

– Чего разорались! – рявкнул один из охранников, и Джодера с Джейлеем сразу же замолчали.

– Вообще-то это комната отдыха, – грубо ответил Эверлинг. – Имеем право. Если что-то не нравится, смените работу.

– Такому ничтожеству, как ты, лишний раз нельзя разрешать даже рта раскрыть, – стражник потянулся за ружьем.

Джодера и Джейлей напряглись. Герсий бросил настороженный взгляд на охранников, но с места не сдвинулся. Эверлинг уже открыл рот, чтобы продолжить, но Эванжелина вскочила с дивана и быстро-быстро заговорила:

– Извините! Простите, пожалуйста! Он только вернулся с боя, а вы же знаете, какой он бывает грубый и наглый. Не злитесь, мы больше не будем доставлять вам неудобств!

Охранник опустил ружье.

– Ведите себя тише.

Эверлинг хмыкнул:

– Ты все равно не имеешь права навредить лучшим бойцам арены. Иначе тебя самого...

– Линг! – шикнула Эванжелина, и он все же замолчал.

Они посидели в тишине какое-то время. Все успокоились.

– Ты в этом шкафу скоро дырку взглядом сделаешь, – протянул Эверлинг, обращаясь к Герсию.

Он обернулся, глядя тому в спину: плечи по-прежнему были напряжены, черные длинные волосы блестели в ярком свете лампочек.

Герсий развернулся и сделал несколько шагов в сторону дивана.

– Как прошел бой? – глухо спросил он.

Обстановка сделалась острее. Эверлинг не любил говорить о боях, все это знали, никто почти никогда не спрашивал о них. Эверлинг не понимал, с чего вдруг Герсий решил узнать о бое сейчас, но безэмоционально ответил:

– Я убил своего противника.

У Эванжелины вырвался встревоженный вздох: она никогда никого не убивала, хоть и была тоже в тройке лучших. Герсий покачал головой: он, будучи третьим из сильнейших, тоже ни разу не убивал тех, против кого сражался на арене. Джейлей опустил взгляд, Джодера прикусила нижнюю губу. Они не осуждали, знали, что выбора у Эверлинга не было, но слышать очередное признание в убийстве оказалось так же тяжело, как в первый раз.

Герсий неотрывно смотрел на него, и Эверлинг не выдержал:

– Если хочешь мне что-то сказать – говори.

Разговор у них перестал клеиться. Герсий отвернулся и ничего не ответил, только вновь покачал головой. Остальные молчали. Лица охранников сделались чуть более довольными.

Эверлинг вновь не выдержал и встал с дивана. Посмотрел на каждого поочередно и, выйдя, остановился за дверью. Затем направился к душевым: ему не терпелось смыть с себя чужую кровь, сегодняшний день и воспоминания о собственном прошлом. Он был убийцей, но совершенные им убийства не исключали наличия человечности, которую он годами старательно, непрерывно душил в себе.

– Ну и зачем ты спросил его про бой? – заворчал Джейлей хмурясь.
– Потому что он хотел выговориться, – рассматривая стенку, ответил Герсий.
– Хотел, – мягко согласилась Эванжелина. – Но, думаю, стоило спросить его не настолько прямо.

Герсий пожал плечами, мысленно пытаясь отстраниться от ситуации. Тяжело было всем, и каждый справлялся с этим по-своему.

– Что ж, прости, Принцесса, что я все делаю не так, – немного подумав, ответил Герсий и тоже направился к спальням не прощаясь.

– Я не это имела в виду, Гер! – крикнула ему вслед Эванжелина, и Герсий поднял руку, намекая, что он вовсе не расстроен и ее слова его не задели.

Она скрестила руки под грудью и смотрела ему вслед даже после того, как он скрылся в темноте коридора.

Джейлей и Джодера переглянулись и решили не вступать в ссору. Эванжелина вздохнула и снова взяла книжку, но читать так и не смогла. Втянула побольше воздуха, сделала медленный, длинный выдох и откинула книгу на другую сторону дивана.

– Джо, – позвала Эванжелина. – Пойдем в комнату? Вдвоем. – Она смущенно глянула на Джейлея, но тот поднял руки в примирительном жесте и возражать не стал.

Эванжелина и Джодера ушли к себе, и вскоре к себе в спальню ушел и Джейлей.

Эверлинг в одном полотенце на бедрах зашел в небольшую спальню с двумя кроватями, стоявшими друг напротив друга. Ничего лишнего в комнате не было. Помимо кроватей – стол с парой стульев, которыми никто ни разу не воспользовался, и два шкафа с одинаковой одеждой. Костюмы для выступлений им приносили за пару часов до выхода.

Герсий сидел на кровати и дожидался его. Они посмотрели друг на друга, Эверлинг молча прошел в комнату, захлопнул дверь, окидывая взглядом спальню, но в упор не замечая Герсия. Их спальня всегда казалась ему клеткой.

– Прости, – выдохнул Герсий, когда Эверлинг подошел к своему шкафу.

– За что? – Он на несколько секунд повернул голову, поморщился, словно слова были неприятны, и вытащил светло-серую пижаму.

– Не стоило тебя так в лоб спрашивать.

– Эва сказала? Забудь. Она слишком много переживает за всех нас и считает, что обязана обо всех заботиться, хотя это не так. – Он стянул полотенце.

Герсий тактично отвернулся, подождал, пока Эверлинг переоденется, и только потом продолжил.

– Разве это плохо? – спросил он, уже понимая, что именно не так и в вопросе, и во всем разговоре.

– Для нас – нет, а для нее – да. Не хочу, чтобы с ней что-то случилось из-за лишнего беспокойства, – не задумываясь ответил Эверлинг и удивился собственной честности.

Герсий тоже удивился искренности Эверлинга, но промолчал.

– Ты хотел сказать не это.

– Что? – не понял Герсий.

– Ты хотел сказать не «прости», а что-то другое, – настойчиво повторил Эверлинг. В голосе отчетливо слышалось раздражение. – Я слушаю.

Герсий если и хотел что-то сказать, то вовремя себя остановил. Есть слова, которым лучше никогда не звучать, иначе нанесенные ими раны никогда не затянутся. Герсий это знал и потому не хотел произносить лишнего, но Эверлинг, яростный, твердый и не умеющий идти на уступки, всегда добивался своего, независимо от последствий. Разве что сбежать отсюда не мог. Как и все они.

Герсий молчал.

Эверлинг, переодевшись, подошел к нему и остановился напротив, смотря сверху вниз. Герсий не поднимал головы.

– Мне кажется, даже здесь, на арене, убийство – это преступление, – наконец сказал Герсий.

– И? – не понял Эверлинг. – Что с того?

– Мне больно от того, что тебе приходится убивать, – чуть тише добавил Герсий, ожидая новую волну гнева.

Губы Эверлинга тронула жестокая ухмылка:

– В таком случае приношу свои извинения, но твое мнение никого волнует. – Из каждого его слова сочилось презрение и к Герсию, и к «Небесному берегу», и ко всему миру.

– Ты можешь хоть раз нормально со мной поговорить? – прикрикнул Герсий, резко подняв взгляд.

Оба помолчали, переводя дыхание. Оба понимали, что разговор не приведет ни к чему хорошему и кто-то должен остановиться. Эверлинг решил, что остановиться должен Герсий, а Герсий решил, что хотя бы один раз остановиться первым должен Эверлинг.

– Могу. Но почему я должен нормально с тобой говорить, когда ты был не в состоянии выполнить одну-единственную мою просьбу? – зло прошипел Эверлинг, наклонившись к лицу Герсия.

Тот отстранился.

– Чтоб тебя, Линг! Ты будешь припоминать мне это до моей смерти?

Герсий почувствовал, как его хладнокровное спокойствие пошатнулось. Кровь прилила к лицу. Он ненавидел, когда Эверлинг напоминал ему о том дне, а Эверлинг напоминал непозволительно часто, и непозволительно часто воспоминания выбивали Герсия из колеи. Как сейчас. Он нервно сжал руки.

– Если в скором времени появится маг, способный тебя победить, то ждать останется недолго, – вдруг непривычно холодно произнес Эверлинг.

Внутри Герсия все заледенело. Со всей присущей Эверлингу жестокостью он никогда не желал смерти никому: ни противникам, которых приходилось убивать, ни тем, которых приходилось калечить. Ни тем более ему, Герсию. Пусть Эверлинг злился, пусть не умел прощать,

но такое Герсий услышал от него впервые и сразу успокоился, чувствуя разочарование, обиду и боль. Он не заслужил этого. Не заслужил таких слов и такого отношения.

– Линг...

– Я устал, – отмахнулся Эверлинг и лег на кровать.

Герсий одновременно хотел продолжить разговор, чтобы наконец выяснить отношения, впервые за столько лет, но вместе с тем не хотел продолжать, чтобы не услышать чего-то похуже пожелания смерти. Он наблюдал, как Эверлинг отворачивается лицом к стенке. Как накрывается одеялом почти с головой – он всегда так накрывался, с момента их первой встречи, и Герсию это казалось забавным, словно так Эверлинг прятался от монстров. И как начинает притворяться спящим, хотя не спит.

– Спокойной ночи, – шепнул Герсий и, погасив свет, тоже улегся.

Ответ он получил спустя больше чем полчаса:

– Спокойной.

Эверлинг думал, что Герсий уже уснул.

Герсий не спал.

Глава 2

Солнечная Принцесса

Зрители молчали.

Посередине арены стоял Ирмтон Пини. Его прилизанные блондинистые волосы ярко блестели в свете полуденного солнца. На нем красовался желтый костюм и красный галстук. Желтый цвет казался ярче, чем был на самом деле. На открытой площадке, где стены каждый день окрашивались кровью, он выглядел нелепо. Ирмтон поднял руки, и зал взорвался овациями.

С одной стороны на арену вышла Эванжелина Фрейр. В неудобном облегающем платье цвета крови со слишком глубоким вырезом она чувствовала себя неуютно. Одежда не соответствовала ни месту, ни моде, ни ее характеру, но выбирать, как и всегда, было не из чего. Утром один из стражников заявился в их с Джодерой спальню и положил на кровать коробку с вещами. Будь они циркачами, наряд смотрелся бы эффектно.

Зрители пожирали ее глазами.

Аристократы в один голос крикнули:

– Солнечная Принцесса! – и захлопали.

С другой стороны вышел высокий, но худощавый парень с острыми скулами. Он был в темно-коричневом костюме, менее вызывающем и более удобном. На спине пиджака вырисовывалась светлая вышивка, изображающая солнце и облака. Противник мало чем отличался от сотни других, которых Эванжелина уже победила. Она не запоминала их имена и лица, просто старалась как можно меньше вредить, а уходя с арены, сразу же пыталась забыть, мысленно превращая бои в ночные кошмары.

Парень нагло ухмылялся. Он выглядел самонадеянным. Не уверенным, не знающим – самонадеянным. Ни страха, ни предосторожности. Он просто еще не до конца понял, где оказался. Эванжелина устало вздохнула. Платье сжимало грудь и талию, ей хотелось переодеться.

Они подошли к Ирмтону Пини и встали по обе стороны. Он объявил сегодняшних бойцов: Эванжелина Фрейр, знаменитая Солнечная Принцесса, и Йохан Радж. Если память не изменяла Эванжелине, то этот маг появился на арене совсем недавно, где-то полгода назад. И это, должно быть, его первый, максимум второй бой. Она рассматривала противника, стараясь вычислить слабые и сильные места, и заранее жалела его.

Когда Ирмтон Пини наконец удалился с арены, Эванжелина и Йохан разошлись в разные стороны и развернулись лицом друг к другу.

Бой начался. Зал замолчал.

Солнечная Принцесса любила тишину: крики аристократов, похожих на оголодавших зверей, всегда ее отвлекали. Пару лет назад она громко, во всеуслышание заявила: они должны замолчать, иначе боя не будет. Обезумевшая толпа на удивление запомнила и пошла на компромисс, зато Ирмтон Пини заставил ее голодать три дня, пара стражников – избили и заперли в холодном карцере, после чего Ирмтон выпустил ее на арену. Эванжелина все равно победила, даже обессиленная и голодная.

Йохан оказался магом крови. Магию крови в Форте ошибочно считали самой сильной, даже сильнее магии разума. Эванжелина никогда так не думала, потому что знала мага крови – Эверлинга и мага разума – Герсия. Эверлинг никогда бы не смог победить Герсия, если бы Герсий согласился с ним сражаться.

Остальную магию, в том числе ту, которой владела она, незаслуженно недооценивали. Сила солнца была похожа на огонь, и оттого Эванжелина всегда вела себя осторожно, не желая лишний раз кого-то обжечь.

Йохан над ней смеялся.

Он выбрал такую же тактику, какую неизменно выбирал Эверлинг: сначала поиздеваться над противником, не используя магию, а после – рубить наотмашь, ломать и нанести смертельный удар. Эванжелина заметила это с первой секунды и про себя усмехнулась: Йохан не был Кровавым Императором, и ему никогда не победить ее, Солнечную Принцессу, методом Эверлинга Рагнара. Ему вообще никаким методом не победить – слишком много боев она выиграла, слишком многих ослепила своим светом.

Неистово крича, Йохан бросился на нее с кулаками. Эванжелина легко увернулась, отступила на несколько шагов и сделала круг вокруг себя. Она не забывала, что озверевшей, но притихшей толпе нужно шоу. И вставляла в свои бои элементы танца, хотя никогда не любила танцевать. Рука проплыла в сторону, пальцы плавно двигались друг за другом, на кончиках плясали маленькие яркие искорки. Зрители восторженно ахнули. Эванжелина выдохнула. Йохан разозлился.

В нем действительно проскальзывали черты Эверлинга, но все же он не дотягивал до нужного уровня. Эванжелина прикусила внутреннюю сторону щеки, шагнула назад и взмахнула руками, словно крыльями, образуя вокруг себя искрящийся ореол. За все пройденные бои она научилась успокаиваться в моменты, когда приходилось обжигать.

– Да кем ты себя возомнила? – рыкнул Йохан.

Мало кто, Йохан в том числе, до конца понимал, что означало биться против одной из тройки лучших. Эванжелина ничего ему не ответила, и Йохан рванул к ней опять. Он махал кулаками, стараясь добраться до нее, но каждый раз не успевал или промахивался на пару сантиметров. А потом неожиданно затормозил и сильнее сжал кулаки. Эванжелина почувствовала, как кровь внутри нее начала нагреваться. Легкое раздражение кольнуло, но она не позволила чувствам взять верх и снова успокоилась.

– Измором решила меня взять, сучка? Ты такая жалкая, – протянул Йохан.

Из ее пальцев появились тонкие линии, за несколько секунд ставшие бесконечными лучами. Разведя руки в стороны, Эванжелина направила лучи полукругом по периметру, чтобы они сомкнулись за Йоханом. Тот рванул назад, бездумно подставив спину.

Следом за лучами она выпустила небольшой шар, но он растворился в воздухе, так и не достигнув цели. Уголки губ незаметно дрогнули, она расслабленно выдохнула. Йохан врезался в каменную стену и рывком развернулся, задыхаясь от страха.

Два луча вонзились по бокам от него, прожигая камень, и сразу же испарились, оставляя за собой клубки пара. Эванжелина кусала и щеку, и язык, лишь бы не спрашивать его, как он себя чувствовал, и не извиняться за свои вынужденные действия.

Йохан выпрямился и побежал влево, изредка оглядываясь на Эванжелину. Она выстреливала в него маленькими яркими вспышками и неизменно промахивалась. Когда он резко

остановился и повернулся к ней, она сделала вид, что создает пылающую сферу, но на деле лишь тянула время. Не хотела делать больно.

Только выбора у нее не было.

Вытянутой ладонью она резко взмахнула, и тонкая яркая пластина полетела к Йохану. Он дернулся в сторону, но острый выпущенный диск успел задеть плечо. Йохан схватился за раненое плечо и зашипел сквозь стиснутые зубы. Одежду прожгло, на коже выступил продолговатый ожог.

Эванжелина вновь подняла руку и краем глаза заметила, как кто-то из зрителей вскочил с места и уставился на яркий шар над ареной. Она сделала глубокий вдох, и сфера сделалась больше, ярче и опаснее. Тонкие линии исходили от нее, когда Эванжелина сжала кулаки. Получившееся зрелище напоминало солнце. Йохан направил на нее руки, и кровь внутри Эванжелины забегала быстрее, но он не успел ничего сделать: шар обрушился между ними.

Мелькнула ярчайшая вспышка, все зажмурились. На земле образовалась прожженная яма, свет стал постепенно затухать, но Эванжелина не остановилась. Она присела, коснулась ладонью земли и медленно стала поднимать руку с растопыренными пальцами. Из появившейся ямы неторопливо начали подниматься лучи – четыре штуки. Она вновь с силой прикусила щеку изнутри, подавляя нарастающие внутри эмоции.

Каждый раз, оказываясь в центре сражения, она мечтала только об одном: открыть глаза и очутиться в другом месте, где-то очень далеко, где люди не знали о «Небесном берегу». Где магия была естественной частью жизни. Где Эванжелина могла быть собой.

Лучи впились в плечи Йохана – не так сильно, чтобы проделать дыру, но достаточно, чтобы ранить. Он закричал. Следующие иглы приближались к глазам.

– Не делай этого! Пожалуйста! – взмолился он.

Лучи остановились, и Йохан почувствовал их жар на лице. Эванжелина понимала, что заканчивает поединок непозволительно быстро. Ирмтон Пини будет недоволен.

– Я сдаюсь! Умоляю! – теперь в нем уже не было насмешки и издевки. – Если ты лишишь меня глаз... он меня убьет.

Веки у него были опущены.

– Не убьет, – ответила Эванжелина. – Изобьет – да. А потом выставит на следующий бой, и ты умрешь там, потому что не сможешь сражаться слепым.

Она вовсе не желала Йохану такой судьбы. Никому не желала. Две ленты постепенно исчезали, и он открыл глаза, посмотрел на нее. Если бы они встретились при других обстоятельствах, все равно не смогли бы поладить. Эванжелина притянула к себе одну руку, а второй сделала выпад вперед, и те ленты света, которые ранили плечи Йохана, вошли глубже. Он снова закричал и опустился на колени. Эванжелина оглянулась на Ирмтона, теша себя мыслями, что именно сегодняшний бой станет исключением.

Надежда, вопреки всему, не угасала в ней уже девять лет.

Толпа затаила дыхание. Йохан тихо застонал и кивнул, понимая суть плана: она хотела ранить сильнее плечи, чтобы не пришлось лишать зрения ради победы. Кожа горела, пульсировала, и Йохан еще раз закричал, чтобы бой объявили завершенным. Но Ирмтон Пини покачал головой, и Эванжелине пришлось проткнуть плечи Йохана насквозь, надеясь, что после этого бой все же закончат.

Не закончили.

Она разочарованно выдохнула. Йохан приподнял дрожащие руки, направил пальцы на Эванжелину. Она видела его страх и вдруг поняла: самонадеянность – это не больше чем попытка скрыться от накатывающего ужаса. Эванжелина решительно кивнула.

Йохан знал, что с обожженными и проткнутыми плечами нормально атаковать не смог бы, но аристократы требовали представления. Ирмтон Пини требовал представления. Йохан

стиснул дрожащие руки. Так сильно, как мог. На ладонях, щеках и шее Эванжелины проступили незаметные царапины. Она едва их ощущала.

А потом из ее ободранной ладони выскользнул еще один луч света и рывком вонзился в бедро Йохана.

Раздался новый крик. Эванжелина про себя сказала: «Меня здесь нет». Расслабила плечи, выпрямила спину. Обернулась на Ирмтона.

И только после этого, услышав визги зрителей, Ирмтон Пини вышел на арену.

Йохана унесли на носилках стражники, Ирмтон поднял руку Эванжелины и объявил ее победительницей. Ей аплодировали, пусть и не так ярко, как могли бы. В конце концов, все ждали более эффектного зрелища, а Эванжелина лишила их этой маленькой радости.

Ирмтон Пини дернул ее за руку и потащил к выходу с арены, впечатал в стену и, когда она развернулась к нему лицом, дал пощечину. Эванжелина крепко зажмурилась и стиснула зубы.

– Какого демона ты сделала, девка? – с плохо скрываемым и сдерживаемым гневом прошипел Ирмтон.

Он сжал ее горло и вдавил в стену. Эванжелина почувствовала, как дышать стало тяжелее. Ответить было нечего, потому что за правду она могла поплатиться собой. Во всех смыслах.

– Дорогой, не ругай сильно девочку, она вон какой фейерверк запустила там! Никто не пострадал. Никто важный, – послышался слащаво-фальшивый голос Элисы Пини. Она спешила к ним с высоко поднятыми бровями и довольно внушительным конвертом. – К тому же один джентльмен дал мне вот это с просьбой, чтобы в следующем бою Солнечная Принцесса выступала наполовину обнаженной. Там внутри записка, прочти.

Элиса протянула мужу конверт. Эванжелина бросила на женщину испуганный взгляд. Ирмтон отпустил ее, позволив нормально дышать, а сам открыл конверт и вытащил записку. Несколько раз прочитал от начала до конца, ухмыльнулся и, посмотрев на толстую пачку денег внутри, сказал:

– Да за такие деньги она будет голая выступать.

У Эванжелины внутри все похолодело. Она не двигалась.

– Вот и славно! – воскликнула Элиса и подозвала стражника.

Охранник сжал Эванжелине плечо, потянул на себя и быстро надел ошейник. Она напоследок посмотрела на Ирмтона и Элису в надежде, что хоть кто-то скажет, что выступать голой перед огромной публикой не придется. Но они даже не посмотрели на нее, а охранник снова вцепился, намекая, что пора уходить, бой окончен и здесь ей делать больше нечего.

Навстречу шла Джодера в сопровождении другого стражника, и на лице ее читалось волнение.

Эванжелина постаралась ободряюще улыбнуться и коротко прошептала:

– Удачи, – голос слегка дрогнул.

С собственным боем она успела забыть, что в выходные ставили обычно несколько боев среди дня. Джодера криво улыбнулась в ответ, но ответила довольно уверенно:

– Все будет просто лучше некуда! Не переживай, Эва! – Она показала поднятый большой палец. – И поздравляю с победой!

Хотела бы Эванжелина научиться быть такой же жизнерадостной в те дни, когда приходилось выходить на поле боя, чтобы следовать чужим приказам и выполнять чужие прихоти. За неполные десять лет она научилась только отстраняться и не плакать всякий раз, когда причиняла кому-то боль.

Охранник Джодеры стукнул ее локтем в бок и что-то недовольно буркнул, но Эванжелина не расслышала слов, только поджала губы. Ее охранник неприятно цокнул языком, но ничего не сказал. Джодера поморщилась, ухватила за бок, но была в порядке.

Дверь захлопнулась за спиной Эванжелины, щелкнул замок, и охранник остался снаружи.

Двое незнакомых бойцов сидели на диване и о чем-то тихо разговаривали. Они бросили на нее взгляд, немного испуганный, но с долей должного уважения, и вернулись к разговору. Сбоку послышались чьи-то тихие шаги, а после кто-то остановился совсем рядом, но Эванжелина не спешила.

И ее не торопили.

Когда спустя минуту с ней так и не заговорили, Эванжелина поняла, что это Герсий: у Джейлея не хватило бы терпения так долго молчать, Эверлинг, если молчал, то давал знать о себе прикосновением, а Джодера, у которой терпения было не больше, чем у брата, уже ушла на арену. Другие бойцы, с которыми она не общалась, редко позволяли себе подойти к ней так близко: видели в ней недостижимую силу, уважали и боялись одновременно.

Эванжелина улыбнулась.

– Можно поздравить тебя с победой? – тихо спросил Герсий.

По голосу Эванжелина слышала, что он тоже улыбается.

Она повернулась к нему и кивнула. Не сказала спасибо, потому что было бы странно благодарить, когда несколькими минутами до этого она ранила невинного человека. Герсий положил руку ей на плечо и слегка сжал.

– Линг и Джей в тренировочном зале. Джей попросил Линга устроить рукопашный бой. Но, думаю, они скоро должны вернуться, – перевел тему Герсий.

– Может, если Линг подучит Джея правильно бить, у него прибавится побед? – задумчиво спросила Эванжелина.

Герсий пожал плечами и не ответил: они знали, что если побед у бойца мало, его быстро отправят на убой. Никому не нужен маг, неспособный принести деньги владельцу, делать на него ставки все равно никто не станет. Это верная дорога к смерти. Эванжелина напряглась, но продолжать разговор не стала.

– Вставай! – потребовал Эверлинг, когда после очередного удара Джейлей упал.

Он не щадил Джейлея. Говорил, что на настоящей арене, той, что кишела жаждущими крови зрителями, его жалеть никто не будет, поэтому и он, Эверлинг, не станет, даже на тренировке.

Джейлей закашлялся, утер капельки крови, появившиеся в уголке рта, и выставил руку вперед.

– Да подожди ты, дай дух перевести хотя бы, – попросил Джейлей.

Эверлинг ударил его ногой по животу.

– Во время боя никто ждать не будет.

Джейлей снова закашлялся, схватился за живот и скрючился на полу. Эверлинг отошел на шаг.

Около огороженного ринга стояли двое стражников, пристально наблюдавших за спаррингом. Они всегда присутствовали здесь, всегда смотрели, как бойцы учатся сражаться без магии. Ошейники с них снимали только в том случае, когда приходили инструкторы, следящие за тем, чтобы силу не использовали против стражников, чтобы не пытались сбежать, чтобы следовали каждому высеченному на подкорке мозга правилу.

– Но у нас сейчас тренировка!

– Поэтому я должен тебя жалеть? – поднял одну бровь Эверлинг и снова хотел ударить ногой, но Джейлей успел вовремя отползти назад.

– Хоть бы какое-нибудь послабление дал! Мы же друзья! – Он вскочил на ноги и замахнулся кулаком.

Эверлинг быстро увернулся, когда Джейлей решился нанести удар, перехватил его руку, дернув на себя, и локтем саданул по спине.

– Послабления будешь просить у Ирмтона, если он вообще станет тебя слушать.

Джейлей шикнул, но на ногах удержался.

Один стражник с трудом сдерживал смех, смотря на Джейлея и его тщетные попытки задеть Эверлинга хотя бы раз. Оба неистово злились, но сдерживались.

Чуть поодаль девушка лет двадцати, имени которой они не знали, была по прицепленной к потолку боксерской груше. Костяшки пальцев у нее уже были стерты, но она упорно продолжала. Эверлинг знал наизусть ее движения, он тоже любил тренироваться в этом месте, когда Ирмтон только приволок его в «Небесный берег».

Эверлингу тогда было семь. На улице стояла зима, как в тот день, когда он впервые отобрал жизнь. В городских газетах иногда выходили статьи о неизвестном маньяке, о страшных преступлениях, в частности – об убийствах, совершенных с нечеловеческой жестокостью. Жертв не связывало ничего: они были из разных сословий, никогда не встречались друг с другом, мужчины и женщины, иногда дети. Они занимались разными делами, вели разную жизнь. Разве что способ убийства был один – жертв просто разрывало на части. Были случаи, когда от их внутренних органов мало что оставалось.

Ирмтон Пини нашел его сидящим около многоэтажного жилого дома неподалеку от театра. Маленький Эверлинг кутался в дырявое, выброшенное покрывало и старался согреться, но, увидев подошедшего Ирмтона, насторожился и вскочил на ноги. Глаза у него горели ненавистью. Ирмтон оценивал внешний вид маленького Эверлинга непозволительно долго, но потом сказал:

– Не смей этого делать.

Маленький Эверлинг удивился, но плечи опустил, потом нахмурился и уже хотел пустить в ход магию, пользоваться которой едва ли умел. Ирмтон Пини вскинул руку, словно мог его остановить.

– Мальчик, я сказал, не смей этого делать. Я пришел не для того, чтобы навредить тебе, а для того, чтобы спасти.

В эту ложь Эверлинг верил не один год.

Он понял правду, когда уже было слишком поздно и Ирмтон Пини защелкнул на нем удушающую ловушку ошейника, вытолкнул на поле боя и заставил убивать, сделав пленником «Небесного берега».

– Я могу вас убить, – без сомнений ответил маленький Эверлинг.

– Знаю, – улыбнулся Ирмтон. – И именно поэтому я здесь. Давай я объясню, как будет. Сейчас ты пойдешь со мной. Я приведу тебя в место, которое станет твоим домом. У тебя будет крыша над головой, еда и безопасность. Взамен ты должен будешь научиться пользоваться силой, данной тебе при рождении, и использовать ее по назначению в специально отведенном для этого месте, а не на улицах Партума, где можешь навредить невинным прохожим.

Что тогда побудило Эверлинга согласиться, он не знал даже сейчас. Спустя много лет он убеждал себя, что тогда вовсе не согласился, а сдался – на милость судьбе или на милость Ирмтона. А может быть, Ирмтон Пини и был его судьбой.

Оказавшись запертым в «Небесном берегу», маленький Эверлинг не испугался – тогда его поглощало любопытство. На следующий день незнакомый мужчина в форме притащил его за шиворот на тренировочную арену, кинул к ногам другого человека и ушел.

Инструктор, одетый в белую форму, пнул его под дых. Эверлинг дернулся, обхватил руками себя, но через секунду выпрямился и выставил руки перед собой, забыв об ошейнике. Мужчина засмеялся и повалил маленького Эверлинга на пол, сильно приложив его спиной о пол, и надавил предплечьем на шею.

– Запомни, щенок, теперь ты будешь подчиняться мне.

Впоследствии Эверлинг убил его. Но в тот день жадно хватал ртом воздух в попытке не задохнуться, а светловолосый мужчина в белой форме наслаждался его беспомощностью. Эверлинг ненавидел это чувство по сей день.

– Кивни, если ты понял меня. Ты подчиняешься мне. Выполняешь все, что я скажу, даже если я прикажу тебе вылизывать пол. Ясно?

Маленький Эверлинг умудрился кивнуть, и инструктор отпустил его. Кашель раздирает горло, пока мужчина стоял и смотрел, как он пытался выровнять сбившееся дыхание.

В его первый день на тренировочную арену народу пришло больше обычного.

Детей обучали такие же люди в белой форме. Все они для Эверлинга выглядели одинаково. Плач и стоны слышались с разных сторон, но Эверлинг не сразу понял, где оказался. Он думал, что попал в долгожданный дом, а на самом деле попал в ад.

Первый раз его хлестнули плетью, когда он снова поднялся на ноги – ни за что, просто так, «для профилактики, чтобы не забывал свое место», как сказал инструктор. Удары обычно были недостаточно сильными, чтобы оставить шрамы. У Эверлинга шрамов почти не было – только несколько тонких полосок. У Эванжелины спина была идеально ровная, без единой отметины. У двойняшек кожа испещрялась рубцами разных размеров. У Герсия... Эверлинг никогда не видел спину Герсия, потому что он никогда не снимал одежду при людях.

– Атакуй, щенок, – приказал инструктор.

Маленький Эверлинг напал.

Эверлинг моргнул. Он стоял на ринге тренировочной арены, и перед ним маячило разозленное лицо друга.

Стиснув зубы, Джейлей бездумно накинулся на Эверлинга настолько быстро, насколько мог, но безуспешно. Он снова пропустил удар, потом еще один и еще. Охранник бесстыдно рассмеялся в голос.

– Думается мне, скоро настанет твой последний бой!

Другой охранник, тоже стоящий рядом, усмехнулся в знак согласия.

Эверлинг бросил на них презрительный взгляд. Джейлей остановился, смотря в пол и пытаясь совладать с гневом. Он мог сколько угодно делать вид, что ему весело, что его не задевает смех стражников, что ему все равно на собственные поражения, но никому не нравится, когда о нем так пренебрежительно отзываются те, кто вряд ли когда-то вступал в смертельные битвы.

– Так и будешь позволять им издеваться над собой? – спросил Эверлинг.

Он знал, куда, как и когда давить. Знал, как разозлить даже таких добродушных людей, как Джейлей. И знал, как страшна их злость.

Джейлей скрипнул зубами. Глаза у него словно потемнели, зрачки сузились. Эверлинг ухмыльнулся: они наконец начнут нормальную тренировку. Движения Джейлея стали увереннее, быстрее, резче. Он все еще не мог победить Эверлинга, но пару раз сумел задеть. Один раз Эверлинг специально позволил себя ударить, чтобы дерзкие охранники прекратили раздражающе смеяться.

Они прекратили.

Джейлей напал без остановок. Развернулся, замахнулся, рванул вперед. Его кулак уперся в ладонь Эверлинга у самого лица.

– Уже лучше.

Джейлей сплюнул кровь.

– И когда я услышу от тебя похвалу? – с насмешкой спросил он, уже зная ответ наперед.

– Никогда.

– Да брось, я не так плох, как ты говоришь, – начал спорить Джейлей.

Улыбка вновь заиграла на его лице, он перестал злиться и забыл об охранниках.

– Верно. Ты еще хуже, – не унимался Эверлинг.

В какой-нибудь уличной потасовке у Джейлея был шанс на победу, с парой-тройкой царепин, может, с ножевым ранением. Но против магов, если они не были совсем слабаками, он выстоять уже не мог. Эверлинга этот факт злил и расстраивал. Внутри что-то сжималось и ныло от мысли, что следующий бой для Джейлея может стать последним. Поэтому он согласился сделать хоть что-нибудь, лишь бы увеличить шансы на победу.

– Ну начинается!

Они продолжили, пока еще у обоих оставались силы.

В зал ввалился довольный и уставший Джейлей. Следом за ним появился Эверлинг. Оба уставились на Эванжелину: один – радостно, второй – выжидающе.

– Победила, – просто сказала она.

Джейлей один раз хлопнул ладонями, Эверлинг кивнул.

– Никогда в тебе не сомневаюсь! – радостно воскликнул Джейлей и показал ей большой палец так же, как и сестра. Он подскочил к Эванжелине и Герсию, потер локоть и живот со словами: – Когда-нибудь я научусь отбивать удары Линга! – И засмеялся.

Все остальные молчали.

– Если ты не научишься быть серьезным, то так и будешь вечно проигрывать, – недовольно ответил Эверлинг, когда пауза слишком затянулась.

Он стоял в проходе, опершись плечом о дверной косяк и скрестив руки на груди.

Джейлей сразу перестал смеяться, поник и, отойдя к креслу, уселся в него с ногами. Он прекрасно понимал, что Эверлинг прав, но говорить такие вещи настолько прямо казалось Джейлею грубостью. Эверлинг, конечно, сам по себе был грубым и редко задумывался о чувствах других, но легче от этого ни Джейлею, ни остальным не становилось.

– Не хочется этого признавать, но ты прав, – обреченно вздохнул Джейлей. – Дальше можешь не продолжать, Линг. Я знаю, что они убьют меня, если я не научусь сражаться лучше. Ты ведь согласился меня тренировать, потому что не хочешь, чтобы я умер?

Двое бойцов, что сидели на диване, встали и как можно тише направились прочь. Их присутствие показалось странным: судя по виду, они вряд ли кого-то ждали с боя и сами не должны были отправиться на арену. Может, хотели уединиться, но им не позволили. А услышав начавшийся чужой разговор, решили уйти.

Эверлинг поморщился, закатил глаза, но не возразил. Эванжелина прикрыла рот рукой, стараясь не выдать собственного волнения. Получался замкнутый круг переживаний, из которого не было выхода. Герсий отстранился от Эванжелины, прислушиваясь к крикам на арене: из зала рев толпы звучал тихо, словно из другой реальности, но от этого не становился менее жутким. Герсий ненавидел этот звук.

Никто не считал, сколько длился бой Джодеры, но, когда снова шелкнул замок, все вздрогнули. Дверь с протяжным скрипом открылась, и стражник вошел, таща ее за волосы. Джейлей вскочил на ноги, Эванжелина пискнула. Эверлинг сжал руки в кулаки, Герсий оцепенел. За Джодерой по полу тянулась тонкая струя крови.

Охранник рывком заставил ее встать, а потом кинул на пол. Она вскрикнула, рухнула плашмя прямо перед Эванжелиной и не двигалась несколько секунд. Когда охранник вышел и их снова заперли, Эванжелина присела рядом с Джодерой и коснулась плеча – осторожно, боясь причинить боль и обнаружить самое страшное. Джейлей ринулся к сестре.

Джодера приподнялась на дрожащих руках. Лицо у нее было в кровоподтеках. Джейлей приобнял ее, помог сесть на колени и продолжал придерживать, будто она могла рухнуть. Эванжелина без зазрения совести резко оторвала кусок ткани от платья и стала медленными, аккуратными движениями вытирать кровь. Все оказалось не так страшно, как они подумали. Эванжелина ободряюще улыбнулась:

- Ты хорошо постаралась.
- Ты этого не видела, – голос у Джодеры тоже дрожал.
- Мне и не нужно, – не задумываясь ответила Эванжелина.

Она скомкала испачканный кусок ткани.

Джейлей чуть крепче сжал сестру за локти, и она привалилась к нему, положив голову на плечо. Закрыла глаза, всхлипнула и заплакала. Тихо, почти беззвучно, только иногда шмыгала носом. Джейлей гладил ее по плечу, его подбородок упирался ей в макушку.

Эверлинг с непроницаемым выражением лица приблизился, не произнеся ни слова, обошел двойняшек Элберз и Эванжелину и оказался рядом с Герсием. Они помолчали, прислушиваясь к тому, как плачет Джодера, как Джейлей тихо шепчет ей что-то и как молчит Эванжелина. Эверлинг кинул еще один взгляд на Джодеру и Джейлея и заметил ровную рану на ее руке. Скорее всего, противник резанул мечом или ножом, быстро и внезапно. Скорее всего, Джодера не успела отскочить. Эверлинг хмыкнул: он-то всегда успевал вовремя. Жаль, он не мог передать этот навык ни Джодере, ни Джейлею. Ран серьезнее у Джодеры не было, и Эверлинг облегченно выдохнул.

Тут Джодера воскликнула:

- Ты что, совсем дурак, Джей?

Она засмеялась сквозь слезы и отпихнула брата от себя. Джейлей тоже рассмеялся. А Эванжелина удивленно посмотрела сначала на нее, потом на него, не понимая, что же такого Джейлей шепнул. Рассказывать они об этом явно не собирались, но Эванжелине было нужно не это: она увидела улыбку Джодеры и смогла немного расслабиться. Пусть ненадолго, пусть скоро они снова почувствуют бешеные удары сердец и страх за свои жизни и жизни друг друга.

Герсий опустил глаза, будто бы не имел права становиться свидетелем этой сцены. Он шагнул назад, повернулся к дверям: зрители должны разойтись, чтобы вернуться послезавтра. Один день в неделю всегда оставляли без боев. Кому-то нужно было отдохнуть, кому-то почистить окровавленные стены и пол арены.

– Хотел бы я уметь так же смеяться, когда больно, – сказал Эверлинг так, чтобы услышал его только Герсий.

Тягучее неприятное чувство между ребер сильно кольнуло. Герсий не мог с ним согласиться, но Эверлинг и не ждал этого.

- И что в этом хорошего? – спросил Герсий.

Эверлинг усмехнулся, но как-то слишком грустно и неуверенно для того, кто не раз и не два отнимал жизнь у тех, кто слабее. Он едва ощутимо коснулся плечом плеча Герсия, но взгляда не сводил со смеющихся Джодеры и Джейлея.

- Дышится, наверное, легче.
- Как-то неуверенно звучит для тебя, Линг.

– Пошел ты, – сквозь сжатые зубы прошипел Эверлинг с такой злостью, на которую только был способен.

Герсий не стал продолжать разговор.

Джодера и Джейлей, смеясь, обнимались. Они притянули Эванжелину к себе, и она невольно улыбнулась, несмотря на тревогу и грусть.

Эверлинг молча наблюдал за ними, но присоединяться не спешил.

Герсий незаметно вышел из зала. Эверлинг умел делать больно, даже когда не хотел. Но Герсию он делал больно исключительно из осознанного жестокого желания.

Глава 3

Лаборатория «Небо»

На северо-востоке от Партума, столицы Форты, в дремучих лесах стоял трехэтажный особняк. Он сливался с деревьями, и издалека увидеть его было сложно – на то и был расчет. Окна в особняке всегда завешивали темными шторами, свет включался редко. С виду он мог показаться неухоженным и даже заброшенным, но там жили десять врачей, шесть из которых являлись магами, шестнадцать ассистентов и четыре охранника. Всего тридцать человек, уже пятый год безвылазно живущих в самой глуши, без средств связи, без возможности выехать в город и навестить семью.

На доме не было никаких опознавательных знаков: ни номера, ни названия. Найти его, не зная точной локации, было невозможно, но тот, кто построил его и привел туда тридцать профессионалов, не желал принимать гостей и запретил распространяться о работе, которую предоставил. Он давал им все необходимое, включая цель в жизни.

С виду особняк напоминал загородный дом нелюдимо аристократа, а на деле являлся лабораторией, где проводились жуткие эксперименты над людьми.

Охранник откашлялся, и в этот же миг из-под земли раздался женский визг. Никто из охранников даже не дернулся. Окружающий лес поглотил все страдания, излитые в крике невинной.

Охранник в черной униформе и с ружьем за спиной присел на разваливающуюся скамейку. Несмотря на то, что людей в этой местности было немного, за исключением жителей особняка, отдыхать им не позволялось, как и нарушать выстроенный распорядок. Второй охранник бросил на него недовольный взгляд.

На минус первом этаже лаборатории «Небо» располагались четыре камеры. Когда-то давно, несколько веков тому назад, там держали военнопленных, а сейчас – похищенных с улиц Форты сирот и бездомных. Тех, о ком никто не вспомнит и кого не станут искать. Они ютились в тесных помещениях.

В камерах, рассчитанных на четверых-пятерых, находилось больше десяти человек. В противоположном крыле огромный зал с бетонными стенами и несколькими колоннами, по периметру которого высились огромные шкафы, напоминал военный госпиталь. Неудобные койки прямо посередине, небольшие тумбы со шприцами и флакончиками. Пятна крови на полу и на постельном белье, порванные бинты. Койки все пустовали, кроме одной. К каждой из них были приделаны кожаные ремни.

Высокий мужчина в белом халате открыл дверцу одного из многочисленных шкафов, вытащил небольшую коробку, в которой выбрал две баночки, а после потянулся к другой полке и достал шприц. Брови сдвинулись к переносице, когда мужчина попытался наполнить его жидкостью мутно-серого цвета. Что подсунули те маги, с которыми приходилось работать, он не знал, но и не рисковал спрашивать. Был отдан приказ, и каждый из тридцати этот приказ выполнял.

На единственной занятой кровати лежала без сознания привязанная женщина лет тридцати пяти. Обнаженное тело настолько исхудало, что проступали ребра, а кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок.

Мужчина в белом халате приблизился к ней с наполненным шприцем.

Она не очнулась, когда он ввел ей всю жидкость.

В зал зашел паренек в такой же одежде и очках, осмотрел женщину – явно мертвую – и чихнул. Мужчина ему ничего не сказал. Паренек смущенно извинился, а потом спросил:

– И что с ней делать?

Мужчина поморщился:

– То же самое, что и с остальными трупами, – сжечь.

– Понял, – кивнул паренек. – Пойду позову миссис Нельсон. – И ушел.

Мужчина выкинул шприц в мусорное ведро, а потом отстегнул ремни. Провел пальцем от шеи мертвой женщины до промежности и засунул пальцы внутрь. Снова поморщился: уж ее-то, мертвую, трахать он точно не будет – нужна другая, желательнее помоложе, красивее.

Мужчина скинул женщину на пол и наступил на ее обнаженную спину. В голове у него все еще звучал громкий визг, словно он пытался ее убить. А он не пытался. Но убил.

Холод пробирал до костей и заставлял жаться друг к другу настолько сильно, насколько возможно, но места в камере и без того было не так много. Молоденькая девушка с силой сжала руку парня, сидящего рядом с ней, положила голову ему на плечо и изо всех сил старалась не стучать зубами. Когда наступала осень, становилось еще холоднее. А приближающаяся зима вновь убьет кого-то раньше, чем эксперименты.

Лиара никогда не называла их врачами, потому что врачами они не были: учеными, исследователями, садистами – но только не теми, кто должен помогать другим.

Нэйтан приобнял ее, а после коснулся ладонью ее светлых волнистых волос. Они даже спустя два года оставались такими же мягкими, какими были в прошлой жизни. Тогда они жили в Атрисе, небольшом городке недалеко от Партума. Он улыбнулся.

Лиара представила, что они дома и воспитательница в детском приюте, где они выросли, скоро приготовит ужин. Она никогда не была толстой, а сейчас с легкостью могла бы пролезть через решетку, если бы были только вертикальные прутья. Горизонтальные железки портили картину – их не настолько морили голодом, чтобы она смогла втиснуться в маленький квадратик.

Кто-то в другом конце камеры стонал, но ни Лиара, ни Нэйтан не обращали на это внимания. Он поцеловал ее в макушку.

Они оказались в лаборатории «Небо» одновременно. Тогда прошел примерно год с момента их ухода из приюта, они обустроились в небольшом домике и рассчитывали на долгую и счастливую жизнь, но при этом никогда не были любовниками и даже не целовались. Сейчас Нэйтану это казалось жутким упущением, потому что он всегда любил Лиару. Вероятно, не так, как мужья любят своих жен, но его чувства точно не были слабее.

– Я слышала, как ты кричал, – тихо произнесла Лиара. – Было очень больно?

В голосе не слышалось жалости, но чувствовалось участие и понимание: положение у них одинаковое, но даже так Лиара Тиавейн старалась заботиться о самом дорогом для нее человеке.

Нэйтан быстро от нее отвернулся: он должен быть сильным и не жаловаться. Ее мучения ничем не отличались от его, и он сделал вид, что не расслышал вопроса, сглотнув подступивший к горлу ком. Он мысленно приказал себе стать еще сильнее: ради Лиары, ради себя самого. Ради того, чтобы не сломаться.

Они резко обернулись на раздавшийся шум: зашел человек в белом халате. Один. Он не втащил женщину, которую забрал пару часов назад. Халат был чистым, новым. Кто-то испуганно вжался в стенку, кто-то робко вздохнул. Лиара отпустила руку Нэйтана и сразу обняла его, прижимаясь как можно ближе, теснее. Нэйтан сжал Лиару за плечи.

Замок на решетке их камеры отворился, полетел вниз. Мужчина в белом халате перешагнул несуществующий порог.

Его имени никто не знал. Люди, которые утаскивали их в зал экспериментов и притаскивали обратно, редко называли друг друга по именам.

Лиара в страхе зажмурилась.

Ненависть облепила внутренности так плотно, что Нэйтан забыл, каково это – испытывать радость. Последние пару лет смазались, стали одним долгим, нескончаемым днем, похожим на ночной кошмар. В глубине души он надеялся, что этот жуткий сон рано или поздно закончится.

Мужчина в белом халате смотрел Нэйтану в глаза. Следом за ним зашли еще двое: женщина с забранными в высокий хвост волосами и паренек в очках.

– Номер восемьдесят один, Лиара Тиавейн, – заглянув в какие-то бумаги, произнес паренек в очках.

Нэйтан еще сильнее сжал Лиару в объятиях. Она открыла глаза. Нэйтан почувствовал острое желание ее защитить. Закричать, изо всех сил ринуться на людей в белых халатах, растерзать их на части. Он знал, что ничего не получится – слишком исхудалым и усталым был. Сил еле-еле хватало, чтобы стискивать Лиару в объятиях, не говоря уже о драке сразу с тремя.

– Отпусти, – шепнула Лиара, понимая, что лучше уйдет добровольно, чем позволит им избить самого дорогого человека в ее жизни.

Он не отпустил.

– Нэйтан. Пожалуйста.

Руки у него дрогнули. Мужчина в белом халате подошел ближе, задев ногой мальчишку, лежащего на полу, вытащил из кармана электрошокер и ударил им Нэйтана. Лиара взвизгнула. Нэйтан застонал и отпустил ее. Последнее, что он заметил, были ее разноцветные глаза: один зеленый, другой карий. Он всегда любил эту особенность. Ему казалось, что эти глаза делали ее необычной.

Мужчина в белом халате схватил Лиару за шкурку, рывком поднял на ноги, а затем швырнул в сторону коллег. Паренек поймал ее и обхватил руками, чтобы она не брыкалась, но Лиара и не собиралась, она только всхлипнула и повисла у него на руках, не глядя на Нэйтана.

Лиару унесли в зал экспериментов.

– Вы уверены, что справитесь сами? – немного обеспокоено спросил паренек в очках, когда положил Лиару на койку и плотно застегнул ремни.

Мужчина в белом халате кивнул.

Женщина с высоким хвостом и паренек в очках молча удалились.

Жесткие кожаные ремни впивались в тело, но Лиара чувствовала облегчение: ее не стали раздевать. Почему он отослал ассистентов, она не понимала. Все казалось слишком странным даже для лаборатории, даже спустя два года непрерывных и бессмысленных экспериментов. Лиара никогда не осознавала, чего они добивались, а главное – кто за всем стоял. Она укусила себя за язык.

Мужчина в белом халате подошел к ней с ножницами в руках и стал медленно разрезать грязную кофту и такие же грязные штаны. Чувствуя прикосновения острых ножниц к тонкой коже, Лиара стискивала челюсти. Едва она решила, что хоть раз останется одетой, как нижнее белье он тоже перерезал. Она беззвучно выдохнула, проглатывая ком, появляющийся каждый раз, как только она оказывалась пристегнутой ремнями к кушетке. Обычно его помощники крепко держали ее, а он снимал одежду. Зачем ему нужно было резать вещи?.. Лиара не обратила внимания на приглушенный свет. Все шкафы были закрыты.

Оставшись обнаженной, она, как и всегда в эти моменты, закрыла глаза. Они исследовали каждый сантиметр ее тела уже второй год, но ничего не менялось. Делали из нее тряпичную куклу и дергали за нити, когда нужно. Но все оставалось прежним. Все та же Лиара, обычная девочка-сирота, но с любимой, пусть и приобретенной семьей, живущая в маленьком городке и присматривающая за детьми из детского дома, где она выросла. В ней не было ничего особенного. Как и в Нэйтане.

Мужчина в белом халате расстегнул ремень на брюках. Пряжка звякнула, а потом звякнула еще раз, упав на пол. Лиара распахнула глаза.

– Не бойся, малышка. Это не так больно, – с гадкой улыбкой произнес он.

Мужчина быстрыми движениями отстегнул ремни, связывающие ее ноги, и снова застегнул их так, чтобы они оставались раздвинутыми. Лиара дернулась. Один раз, второй.

– Что вы... Нет!

Когда она поняла, что он делает, было уже поздно.

Лиара завизжала изо всех сил, когда почувствовала его в себе. Резкие толчки заставляли кожаные ремни елозить по бледной коже. Покрасневшие участки зудели, их очень хотелось почесать, но Лиара могла только сжимать кулаки и пытаться вырваться. Снова и снова делая безуспешные рывки в надежде, что ремни не выдержат и порвутся.

Выдержали, не порвались.

Мужчина в белом халате не останавливался, наслаждаясь ее криками, жалкими попытками вырваться и своей властью. Он поймел ее не один раз, не два и даже не три. Лиара кричала, срывая голос и захлебываясь слезами.

Когда он вышел из нее, вместо страха она вдруг почувствовала злость, острыми лезвиями разрезающую изнутри. И закричала с новой силой.

– Ну чего ты так разоралась, – недовольно пробурчал мужчина в белом халате, натягивая на себя брюки и застегивая ремень. – Я ведь даже ничего тебе не вколол.

Ее визг не стихал ни на секунду.

А потом весь зал оказался забрызганным кровью. Что произошло, не понял никто. Паренек в очках, вбежавший внутрь, только и успел, что рвано выдохнуть прежде, чем его голова и тело разлетелись на мелкие кусочки.

Женщину с высоким хвостом, которая со стопкой отчетов за прошлый месяц приближалась к залу, постигла та же участь.

Это не было взрывом – вышедшая из-под контроля магия крови, которая неестественным путем попала в организм Лиары, рвалась наружу и не желала оставаться в теле носительницы, которая даже не умела ей пользоваться.

Они просчитались.

Лиара кричала, не замечая хаоса вокруг себя. Ремни где-то треснули, но не порвались. Врачи и ассистенты сбегались на неистовый крик, потому что даже для лаборатории крик Лиары звучал жутко и слишком громко. Только охранники по-прежнему стояли на улице и даже не предполагали, что что-то могло пойти не так.

Неприметный особняк посередине леса погрузился в хаос, из которого не было выхода. В момент, когда несколько врачей и ассистентов погибли, прутья в камерах резко поломались. И сломанные железки вонзились в стены, рухнули на пол, некоторые сразили насмерть тех, кто был заключен в камерах.

Нэйтан зажимал уши ладонями, лишь бы не слышать, как кричит Лиара. Но когда рядом упал незнакомый мужчина, Нэйтан открыл глаза и резко взял себя в руки. Визг Лиары не прекращался. Из мужчины торчала железная балка.

Он не хотел никому помогать и не хотел знать, как так получилось. Нэйтан Назарио всю свою жизнь хотел защищать Лиару, заботиться о ней и быть рядом только с ней. Поэтому, не думая, он рванул к залу экспериментов, откуда слышал ее дикий, звериный визг. Нэйтан никогда не думал, что она может так кричать.

Когда Лиара вдруг замолчала, все здание погрузилось в мертвую тишину.

Нэйтан замер всего на одно мгновение, но сразу же вновь пустился в огромный неосвещенный зал. К моменту, когда он прибежал, все стены, шкафы и пол были испачканы в чужой крови и везде лежали разорванные тела. Он не знал, что это было и как все пришло к такому кошмару.

Лиара, пристегнутая к кровати, лежала без одежды на кушетке и была без сознания. Грудь медленно вздымалась, на щеках застыли еще невысохшие слезы. Внутренние стороны бедер, как и стены зала, были в крови.

Нэйтан приложил неимоверные усилия, чтобы не думать, почему кровь была именно в том месте и почему ноги у Лиары оказались разведены. Он приложил еще больше неимоверных усилий, чтобы не произнести ни звука, не проронить ни слезинки.

Окаменевшее тело плохо слушалось. Он слышал, как другие похищенные убегают, как они набрасываются на двоих оставшихся в живых и по-прежнему дежуривших снаружи охранников и как терзают их на части сами, без магии, голыми руками. Нэйтан не шевелился.

А потом, находясь словно под чьим-то гипнозом, Нэйтан подошел к койке, не слушающимися пальцами расстегнул ремни и поднял Лиару на руки. Нэйтан решил: все работающие в особняке мертвы, а люди, которых они здесь держали, убежали. И потому спокойно отнес Лиару в ванную и включил воду, искренне надеясь, что девушка не очнется, пока он не ототрет всю кровь и грязь с ее хрупкого тела.

Глаза у него заволкло туманом, он с трудом осознавал свои действия и делал все автоматически. Не чувствуя ни себя, ни мир, Нэйтан механически оттирал кровь со светлой кожи.

Лиара не очнулась. И он благодарил за это и Единого Бога, которому молились в Форте, и любые другие высшие силы.

В одной из многочисленных спален он нашел подходящую по размеру одежду для Лиары и как можно быстрее одел ее в темные брюки и рубашку с вышивкой, а после сразу уложил на кровать. Сам Нэйтан сел в небольшое кресло около окна и свернулся.

Рядом с особняком лежало два мертвых охранника и еще один труп то ли врача, то ли ассистента, который выбежал, но не успел далеко уйти.

Нэйтан вздохнул, посмотрел на лежащую Лиару и не поверил, что она могла стать всему виной. А еще не поверил, что мужчина в белом халате посмел над ней надругаться.

Глава 4

Добро пожаловать в Пардум

Выходные у них случались нечасто, и еще реже их выпускали за пределы территории «Небесного берега», но даже Ирмтон Пини не мог игнорировать постоянные победы своих бойцов. Эверлинг, Эванжелина и Герсий приносили бизнесу Ирмтона так много денег, что с его стороны было бы дикостью не отпускать их пару раз в месяц на недолгие прогулки по городу. Тем более ошейники, сдерживающие неистовую магию, гарантировали, что ничего не случится.

День был солнечный, погода теплая. Для таких случаев у каждого бойца в шкафу висела парочка костюмов, но далеко не всем удавалось хоть раз за жизнь на арене их надеть.

Эванжелина надела белую нижнюю юбку и узкое темно-синее платье под цвет глаз и крутанулась перед небольшим запачканным зеркалом. На последний писк моды оно не тянуло, выглядело просто, а тонкая вышивка на груди была едва заметна, но Эванжелина его любила.

– Не застегнешь, Джо? – с улыбкой попросила она.

Джодера вскочила с кровати и вмиг оказалась рядом.

– Обожаю, когда ты надеваешь его! – радостно воскликнула Джодера, но Эванжелина уловила в ее голосе нотки досады. – Надеюсь, вы хорошо проведете время.

Последний раз Джодера выходила в город на прогулку лет семь назад. У нее никогда не получалось так же блистать, как у Эванжелины, не получалось бить наотмашь, как у Эверлинга, и оставаться беспристрастной, как у Герсия.

– Спасибо, – поспешно отозвалась Эванжелина и хотела добавить что-то еще, но в дверь постучали.

В их спальню зашли Эверлинг и Герсий, а следом ворвался Джейлей, тоже радостно улыбающийся и старающийся скрыть свое разочарование. Он гулял по Пардуму последний раз вместе с сестрой.

– Ждем только тебя, – мягко произнес Герсий, прислонившись плечом к двери.

Весь в черном, с длинными черными волосами и бледной кожей, он напоминал смерть во плоти. Эванжелина хихикнула своим мыслям, поймала непонимающий взгляд Герсия и поджала губы, но ничего объяснять не стала.

– Принесете чего-нибудь вкусенького? – с надеждой спросил Джейлей.

Джодера хлопнула в ладоши и подпрыгнула.

– Да-да, шоколада купите? Знаю, денег у вас не так много, у нас-то с Джем их вообще нет, но одну плитку можно?

Эверлинг закатил глаза и недовольно фыркнул, словно кот, а после вышел из женской спальни, не сказав ни слова. Герсий тихо засмеялся и кивнул.

– О, конечно! Принесу и шоколад, и конфеты, и мармелад! Если найдем не очень дорогой чай, то и его тоже. А если деньги останутся, то и кексов с булочками захватим! – пообещала Эванжелина.

Джодера расплылась в улыбке и крепко обняла ее.

– Эва, пойдем, – позвал Герсий, когда понял, что объятия затянулись.

Они тут же отлипли друг от друга, и Джодера, помахав рукой, прыгнула с разбегу на кровать. Джейлей, попрощавшись, последовал примеру сестры.

– На вашем месте я бы пошла тренироваться, чтобы в следующий раз мы ушли в город вместе! – крикнула им Эванжелина.

– Надеюсь, именно это они и сделают, – выдохнул Герсий.

Они с Эверлингом шли по обе стороны от Эванжелины, словно личные стражи. Ни Герсий, ни Эверлинг не любили такие дни: выходить в Партум, светиться на людях в обычной одежде, когда все привыкли видеть их в роскошных нарядах на арене. Во всем чувствовалась прихоть Ирмтона Пини, будто бы он снисходил до разрешения на иллюзию нормальной жизни для тех, кто приносил ему много денег. Эверлинг всегда злился в такие дни больше обычного. Герсий переживал, что обязательно все пойдет не так. Оба соглашались на подобные прогулки ради Эванжелины, потому что не могли позволить ей гулять в одиночку по городу, который, словно хищник, скалил зубы и хотел растерзать на части любого за малейший промах.

На выходе с арены двое стражников окинули их презрительным взглядом, а потом один нагло потребовал:

– Разрешение на выход.

Холод в голосе был привычным, но Эванжелина нахмурилась. Герсий протянул три подписанных Ирмтоном разрешения. Стражник неторопливо просмотрел каждое, потом снова оглядел их поочередно, неохотно отдал бумаги и кивнул на огромные двери, позволяя выйти.

– Таким, как они, разрешают по городу ходить, да еще и без сопровождения. Мистер Пини позволяет им слишком много, – послышалось недовольное ворчание вслед.

Стражник намеренно говорил так, чтобы его услышали.

Эверлинг ощутил закипающую внутри бурю, но, почувствовав, как Эванжелина заботливо взяла его за руку, заставил себя промолчать. Герсий задержал взгляд на их сцепленных руках: Эванжелина была им как младшая сестра, но неприятное чувство заставило остановиться на несколько секунд.

Партум встретил их ярким солнцем и уютным теплом. На улице оказалось много народа: матери и няни гуляли с детьми, кто-то спешил на работу, кто-то – домой или в гости. Другие открывали лавки и магазины. Люди спорили, смеялись, разговаривали. Город кипел жизнью, которая остановилась для троих.

Эванжелина восторженно вдохнула свежий воздух и проводила взглядом карету, запряженную двумя лошадьми, и следующий за ней черный автомобиль. Машины они видели крайне редко, это считалось роскошью и было доступно лишь самым богатым приближенным короля. Тем, кто мог позволить себе сделать ставки в «Небесном берегу», победить, а заодно принести доход Ирмтону Пини. Тем, кто служил королю Иоганну уже не первый год, продав себя в услужение человеку, считающему, что магов можно сжигать, вешать и расстреливать. Или заставлять калечить и убивать друг друга.

Большинство автомобилей находилось в распоряжении армии и военных.

Подул легкий ветерок. Герсий придержал волосы и быстро завязал их в низкий хвост.

– Куда хочешь пойти? – спросил Эверлинг. Он так и не отпустил ее руку.

– Нужно купить сладости для Джо и Джея, а еще я бы сходила на Площадь Алого Солнца¹, там очень красиво. Если останется время, мы могли бы заглянуть в парк святой Агаты неподалеку от монастыря. Как вам такой план?

– Чем тебе так нравится эта площадь... – тихо проговорил Эверлинг, но возражать не стал.

– Там действительно красиво, – ответил Герсий за Эванжелину.

– И пахнет кровью, – шепотом добавил Эверлинг, посмотрев Герсию в глаза.

Эванжелина его не услышала.

Никто из них не хотел думать о том, за что площади дали именно такое название, но увиденные ими казни никогда не забудутся.

Тогда был такой же выходной, они втроем направлялись на Площадь Алого Солнца, потому что Эванжелина хотела зайти в букинистический магазин неподалеку. В книжный они так и не попали. Вместо этого стали свидетелями казни пожилой женщины за то, что она скрывала свою магическую сущность, но попала на какой-то мелочи. После того как ее сожгли заживо на глазах у полсотни людей, Эванжелина, Эверлинг и Герсий не появлялись там два с половиной года.

Они направились в сторону Площади Алого Солнца.

Тренировочная арена была одна, зато огромная. Ее площадь превышала в несколько раз площадь арены, на которой устраивали представления. Джейлей и Джодера бывали здесь чаще, чем им хотелось, и успели выучить каждую трещину в полу, каждую царапину на каменных стенах.

Они осмотрелись, выбирая свободный ринг, и заметили бородатого мужчину лет сорока с шестихвосткой в руках. Плеть была с шипами. На самой площадке друг напротив друга стояли двое мальчиков лет четырнадцати.

– Новенькие, – задумчиво протянула Джодера.

– Ага. И инструктор, который нас с тобой тренировал, – подхватил Джейлей.

У обоих не было никакого желания становиться свидетелями первой тренировки недавно попавших на арену детей. Джейлей и Джодера, не сговариваясь, направились в противоположный конец зала, краем глаза замечая других магов, тренировавшихся друг с другом или в одиночку.

Юноша с растрепанными русыми волосами метал ножи в дальней части площадки под наблюдением инструктора. Ошейник с него сняли. Еще один маг металла, поняли Джейлей и Джодера. Парень сжал кулаки и дернул на себя: ножи выскочили из мишени и, развернувшись в полете, вернулись к нему в руки.

Рыжий мальчик и темноволосая девочка сидели в углу друг напротив друга и пытались управлять тонкими ветвями. Зеленые лианы, тянущиеся до потолка, трепетали от силы

¹ Площадь Алого Солнца получила свое название из-за частых казней, которые проводились там на рассвете или на закате. «Алый» обозначает цвет пролитой крови, а «Солнце» символизирует закатное и рассветное солнце, которое слишком сильно слепит людям глаза. – Здесь и далее *прим. авт.*

двух еще не опытных магов природы. Дети улыбались, когда растения подчинялись их воле. Инструктор, стоящий рядом, оказался на редкость терпеливым. Надолго ли?.. Джодера мотнула головой. Джейлей громко чихнул.

Позади свистнула плеть, раздался мальчишеский визг и недовольные приказы. Джейлей и Джодера игнорировали каждый неприятный звук и не вслушивались в слова бородатого мужчины, воспоминания о котором с радостью стерли бы из памяти.

Инструктор часто бил их. Они не считались способными, как Эверлинг, не были послушными и тихими, как Эванжелина, не владели сильнейшей магией всех времен, как Герсий. Посредственности. А посредственностей на арене не любили и быстро убирали, подобно ненужному хламу. Джодера и Джейлей продержались так долго благодаря тем, кто постоянно им помогал, защищал их и вытаскивал из передраг. Заставлял подниматься на ноги, учил бить до крови. Без них они бы не выжили.

Едва попав в «Небесный берег», они думали, что не протянут даже месяца, но оказались сильнее. Инструктор в белой форме, взрослый мужчина с бородой, презрительно смотрел на них и так же презрительно отдавал указания. Не владея магией, он считал нормальным учить их тому, о чем не имел ни малейшего понятия, после чего хлестал плетью до изнеможения. Фантомные боли там, где остались шрамы, порой давали о себе знать. Кожа зудела, и этот зуд часто сводил с ума, поэтому они предпочитали смеяться и в притворной радости забываться. У каждого были свои способы сбежать от боли, и смех стал их средством.

Инструктор ударил второго мальчишку. Джодера на мгновение зажмурила глаза: шрам слева на пояснице неприятно зачесался. Джейлей приобнял сестру за плечи, слегка поглаживая и пытаясь успокоить. Он понимал ее лучше всех на свете, как и она понимала его.

В детстве они делили один дом, одни игрушки, а сейчас – эмоции и боль. Она благодарно улыбнулась.

– Поднимайся! – прикрикнул инструктор.

Джейлей и Джодера, не оборачиваясь, услышали, как мальчишка слишком громко всхлипнул. Им не удастся продержаться здесь долго, их выставят на смертельный бой, в котором они погибнут бесславной смертью.

– Нам нужно разрешение снять ошейники, – подойдя к охраннику, попросила Джодера.

– Что? Ты серьезно? – Джейлей удивился.

Так они не договаривались, она ни о чем его не предупреждала.

– Абсолютно. Хочу попрактиковаться, – пожала она плечами.

Охранник помедлил, глянул на инструктора, а после позвал его. Джодера неслышно выругалась. Инструктор и охранник недолго о чем-то разговаривали, отойдя чуть подальше от нее и Джейлея, пару раз глянули в их сторону, усмехнулись, но в итоге пришли к согласию: дали разрешение снять ошейники.

Когда охранник ушел за ключами, инструктор обратился к ним:

– Что, хотите продемонстрировать, чему вы научились?

Джейлей вскинул голову. Джодера скрестила руки на груди.

– Хотим доказать, что вы не имеете к нашим способностям никакого отношения.

Никто не понимал, почему в качестве инструкторов чаще всего нанимали обычных людей. Как человек, никогда не имевший дело с магией, мог научить ею пользоваться? Джодера и Джейлей часто посмеивались над этим про себя и друг с другом, но в лицо взрослым мужчинам, нередко носившим плети или другие орудия, они смеяться не решались никогда.

Сегодняшний день выходил за рамки всех предыдущих. Джодера не боялась. Ее страх застыл хрупкой льдиной внутри и в любой момент был готов рассыпаться, но она знала, что это ненадолго.

Инструктор взмахнул плетью в воздухе. Джейлей незаметно дернулся, Джодера закрыла и тут же открыла глаза. Инструктор остался доволен результатом.

Вернулся охранник и методичными, отточенными движениями расстегнул тонкие стальные ошейники.

– Я за вами наблюдаю, – напоследок бросил им инструктор и вернулся к двум мальчишкам, которые во все глаза смотрели на Джодеру и Джейлея.

Они поднялись на ринг.

Свист плети резанул по ушам, детский крик заставил на секунду задержать дыхание.

Джодера раскинула руки, шевельнула пальцами, и тонкие острые лезвия вмиг оказались вокруг нее, образовав щит, готовый в любой момент стать мечом. Джейлей схватил парные клинки, звякнул ими друг о друга и приготовился к атаке.

– Ну, давай, братец!

Он ринулся на Джодеру. Оружие, которое магам позволялось брать на тренировочной арене, никогда не было заточенным, чтобы они не навредили охранникам и инструкторам и не убили друг друга раньше времени. Так что Джейлей не боялся ранить сестру.

Тонкие лезвия сдвинулись и образовали щит перед Джодерой. Клинки Джейлея врезались в металлическое полотно, проделав одну трещину. Джодера отскочила назад, и щит плавно последовал за ней, заделывая брешь.

Они могли сражаться так очень долго: силы были равны. Сколько бы они ни пытались за все годы, проведенные на арене, победить друг друга, у них не получилось ни разу.

Джейлей резко выдохнул и рванул вбок, чтобы обогнуть защиту Джодеры и подобраться к ней со спины, но она оказалась быстрее; в итоге они просто поменялись местами. Джодера отделила плавным движением руки несколько металлических осколков, и они полетели в сторону Джейлея, но тот отбил их, за исключением одного, задевшего щеку.

– Прости! – выкрикнула Джодера.

– Да ничего! Знала бы ты, что Эверлинг иногда делает во время тренировок. – Он потер щеку ладонью.

– Даже представлять себе этого не хочу! – ответила Джодера.

Она, как правило, занималась с Эванжелиной, а Эверлинга обходила стороной во всем, что касалось боев. Его сила настораживала и немного пугала.

– И не надо! – Джейлей засмеялся, но быстро вернул внимание к тренировке.

Они снова сошлись в поединке. Зазвучал звон металла, лязг клинков. Охранник, держащий их ошейники в руке, внимательно наблюдал за боем, порой поглядывая в сторону инструктора. Самим охранникам запрещалось вмешиваться в тренировки, а вот инструкторы запросто могли и вмешаться, и прекратить, и еще хлестнуть несколько раз плетью – на всякий случай.

Джодера вдруг упала, схватившись за руку. На одежде выступили пятна крови. Джейлей опустился рядом с ней на одно колено.

– Дерьмо, я забыл, что у тебя рука ранена! – виновато проговорил он.

Джодера покачала головой:

– Это я не успела увернуться. Все в порядке.

Она чуть сильнее сжала плечо. Крови стало больше. Джейлей бросил клинки и коснулся ее руки.

– Может, закончим?

Джодера хотела сначала отказаться, но потом подняла голову, посмотрела в обеспокоенные глаза брата и все же согласилась. Краем глаза заметила, как двое охранников за шиворот тащили двух мальчишек с окровавленными спинами, и мысленно приказала себе не смотреть.

– И почему я ни капли не удивлен?

Около ринга стоял инструктор. С плети в его руках стекала алая кровь. Джодера и Джейлей уставились на нее, вспоминая, как получали удары, когда не удавалось использовать собственную магию так, как нужно.

– Вы всегда были безнадежны, – фыркнул инструктор и направился к выходу, дав знак охраннику надеть ошейники обратно.

– Мы еще не закончили! – недовольно крикнула Джодера ему вслед.

– Вы закончили, – отрезал инструктор и скрылся за входной дверью.

Охранник вскочил на ринг, подошел и надел им ошейники.

Тренировка завершилась.

Люди вокруг оборачивались, кидали косые взгляды, как только замечали стальные тонкие ошейники на шеях. Прохожие перешептывались, обходили их стороной и всем своим видом давали понять, что не хотят видеть таких, как они, на улицах Партума. Даже те, кто никогда не заходил на территорию «Небесного берега», знали, как выглядят Кровавый Император и Солнечная Принцесса, как выглядит Герсий Мидос, единственный маг разума на арене, и как выглядят ошейники магов-бойцов, которых следовало опасаться. Афиши с их портретами висели по всему городу, даже в самых бедных районах.

Эванжелина старалась не замечать косых взглядов. Герсий мысленно уходил в себя и отстранялся от собственных чувств. Эверлинг кипел от гнева, и плечи у него слегка подрагивали.

– Пойдем этим путем. – Герсий указал на узкую безлюдную улочку.

Эванжелина хотела возразить, ведь ей так нравился Партум, его ритм жизни, его широкие людные улицы и красивые элегантные вывески. Но увидев, как встревожен Герсий и как взбешен Эверлинг, согласилась.

Эверлинг и Герсий одновременно облегченно выдохнули, оказавшись подальше от посторонних глаз. Где-то вдалеке они заметили бездомного, который даже не посмотрел на них. Свернув налево и выйдя к тихому жилому району, Эванжелина замедлила шаг и стала рассматривать дома. Эверлинг и Герсий шли следом в абсолютной тишине.

– От вашего молчания цветы вянуть начнут, – добродушно сказала Эванжелина, когда они дошли до поворота к улице, где располагалась кондитерская лавка.

– Здесь нет цветов, – отозвался Эверлинг.

Эванжелина засмеялась. Герсий отвернулся куда-то в сторону.

– Иногда ты непробиваемый дурак, Линг, – ответила Эванжелина и направилась к входу.

Вывеска выделялась на фоне остальных: она была слишком яркой, цветастой в отличие от других, серо-черных, вычурных и чересчур аристократичных. Торговцы в Партуме предпочитали использовать приглушенные, невызывающие цвета и редко отличались оригинальностью. Вывеску кондитерской лавки мистера Фрэнкинса украшали деревянные фигурки разных смеющихся зверей, а на входе стояли две статуи медведей с бочками, наполненными сладостями.

Эванжелина открыла дверь, звякнул колокольчик.

– Добро пожаловать в лавку мистера Фрэнкинса! – послышался добрый мужской голос.

Эванжелина уловила нотки тревоги в том, как он говорил. Полный мужчина почтенного возраста стоял за прилавком и раскладывал печенье.

– Доброго дня, мистер Фрэнкинс! – поприветствовала она.

Эверлинг и Герсий зашли следом, и колокольчик снова прозвенел. Мистер Фрэнкинс поздоровался еще раз.

Эванжелина любила эту кондитерскую за ее хозяина – он никогда не напоминал, что ей не место в Партуме и вообще в мире, потому что такой, как она, не должно существовать. Мистер Фрэнкинс всегда был дружелюбен, иногда делал скидки, а иногда – подарки. Эверлинга это раздражало, а Герсия настораживало.

– О, Лина, как у тебя дела?

Мистер Фрэнкинс был единственным, кто называл Эванжелину не Эвой, а Линой. Ей это нравилось.

– Лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем хотелось, сами знаете, – уклончиво ответила она. – Как вы и миссис Фрэнкинс?

– О, – он замер. – Она... приболела.

Лицо у мистера Фрэнкинса побелело. Эванжелина тоже замерла. Эверлинг и Герсий посмотрели друг на друга, а потом на мистера Фрэнкинса. Что-то было не так.

– Деточка, так что ты хочешь в этот раз? – любезно поинтересовался мистер Фрэнкинс.

Все сделали вид, что не заметили, как он быстро сменил тему. Эванжелина выдала ему целый список пожеланий для Джожеры и Джейлея и высыпала все немногочисленные сбережения. Пересчитав, мистер Фрэнкинс понял, что не хватает парочки монет, но ничего ей не сказал и протянул увесистый бумажный пакет со сладостями.

– Что с вашей женой? – без церемоний спросил Эверлинг.

Мистер Фрэнкинс, резко вскинув голову, уставился на Эверлинга. Герсий нахмурился. Эванжелина воскликнула недовольное: «Линг!»

– Она ведь не больна, верно? У вас руки трясутся. И вы выглядите так, словно упадете в обморок прямо сейчас. Где она?

– Линг, это невежливо! – шикнула Эванжелина.

Мистер Фрэнкинс молчал, нижняя губа тряслась, как и руки.

– Они... они забрали ее, мою Джону... – У него на глаза навернулись слезы. – Они... ее казнят... она ведь... ведьма.

Мистер Фрэнкинс опустился на небольшой стул за прилавком и приложил ладонь ко лбу. Герсий вылетел из магазина и остался стоять на улице. Эванжелина прикрыла рот рукой, с трудом сдерживая слезы. Миссис Джона Фрэнкинс всегда была добродушной, как и ее муж, угощала их булочками и травяным чаем собственного приготовления.

– Как же... но ведь... – Эванжелина не могла вымолвить ни слова.

Эверлинг порывисто обхватил ее за плечи.

– Извините, – грубо бросил Эверлинг. – Не попадитесь сами этим мразям. – И он повел Эванжелину прочь из магазина.

Она еле-еле переставляла ноги – новость про миссис Джону Фрэнкинс ее оглушила, и колени дрожали. Эти люди единственные из всех проявляли к ним доброту. Поверить, что миссис Фрэнкинс вскоре казнят, она не могла. Новость не укладывалась в голове, внутри все скрежетало от несправедливости. Хорошие люди не должны страдать из-за абсурдных законов страны.

– Теперь понятно, почему они так радушно нас встречали всегда, – тихо произнес Герсий. Эванжелина прижала к себе пакет со сладостями.

– Все еще хочешь на Площадь Алого Солнца? – спросил Эверлинг.

Произошедшее не так уж сильно его шокировало. Король Иоганн приказывал отлавливать прячущихся магов и быстро приговаривал их к смерти. Тех, кто был способен сражаться, отправляли на арену или в армию, но сначала жестоко наказывали за нарушение закона и предательство короны. Да и во всей Форте не было ни одного человека, который отнесся бы к ним с добротой без веской причины. Чета Фрэнкинсов не была исключением: они просто заглажи-

вали вину перед теми, кого нашли и забрали. Но теперь пришел и их черед платить за то, кем они родились. За то, что не должны были рождаться. Эверлинг стиснул зубы.

– Тут вроде бы недалеко, – безучастно ответила Эванжелина. – Можем прогуляться, чтобы день зря не пропадал.

Они завернули за угол, и мимо них прошел небольшой отряд солдат. Военные направлялись к кондитерской лавке мистера Фрэнкинса. Эванжелина дернулась, но Герсий схватил ее за запястье:

– Ты ничем ему не поможешь. Только добавишь проблем нам.

Она дернулась еще раз, но быстро успокоилась и сильнее сжала пакет со сладостями.

– Я редко с ним соглашаюсь, Эва, но сейчас Герсий прав. Идем.

Они услышали, как солдаты выломали дверь, как закричал пожилой мистер Фрэнкинс, как он умолял их отпустить его. Услышали безжалостный приказ связать руки за спиной, а после – беспочвенные обвинения. Эверлинг направился в сторону Площади Алого Солнца. Герсий и Эванжелина, немного помедлив, тоже. В полной тишине. Мысли у них звучали так громко, что заглушали крик мистера Фрэнкинса.

Солнце все так же ярко светило, на небе не виднелось ни единого облачка. Они подошли к площади, огляделись. Посередине воздвигали небольшой помост – такой, на который обычно заводили приговоренных к смерти. Партум никогда не был добродушным городом, никогда не обещал теплого приема ни гостям, ни жителям. Партум был жесток и холоден, даже когда солнце нещадно палило.

– Мистер Фрэнкинс ничего не сделал, – прошептала Эванжелина.

– Он родился, – ответил Эверлинг грубее, чем обычно говорил с ней.

Ему не хотелось делать ей еще больнее, слова сами слетели с губ. Герсий недовольно хлопнул ладонью по плечу Эверлинга, но тот не отреагировал. Они стояли около магазина игрушек. Деревянная вывеска была слишком мрачной, словно ее сделали вовсе не для детей, а для их выросших и забывших, что такое веселье, родителей. Около двери стояла корзина, в которой лежали порванные и поломанные игрушки, а рядом на небольшой картонке было написано, что эти товары продавались с пятидесятипроцентной скидкой.

Эванжелина присела рядом и вытащила плюшевую птичку с наполовину оторванным крылом. Рассмотрела ее, вытерла слезы, посмотрела на ценник и вернула игрушку на место. Эверлинг проследил за ее движениями.

– Идем на арену, – предложила Эванжелина.

Эверлинг вытащил ту плюшевую птичку и зашел в магазин.

– Линг, не надо! – крикнула Эванжелина ему вслед.

Вышел Эверлинг довольно быстро и вручил птичку Эванжелине.

– Ты же все деньги потратил на нее! Зачем?

– Она тебе понравилась. А теперь идем на арену, этот город меня скоро доконает! – рявкнул Эверлинг.

Эванжелина и Эверлинг обернулись на молчавшего Герсия. Он стоял чуть поодаль с нервно стиснутыми кулаками и смотрел куда-то в одну точку. Лицо у него побледнело еще сильнее, губы напряженно сжались в одну тонкую линию. Он не моргал.

– Гер? – Эванжелина обеспокоено проследила за его взглядом и заметила трех мужчин в дорогих костюмах, один из которых то и дело посматривал в их сторону.

Эверлинг бросил взгляд в ту же сторону и сразу все понял.

– Все, хватит! Направляемся обратно!

Но ни Герсий, ни Эванжелина не сдвинулись с места. Мужчина, постоянно смотревший на Герсия, указал пальцем на него, и остальные, обратив на них внимание, жадно усмехнулись и рассмеялись. А потом направились к ним.

– Блядь! – рявкнул Эверлинг.

– Нет... – прошептал Герсий.

– Идем, – позвала Эванжелина.

Мужчины приближались. Эверлинг схватил Герсия и хотел уже потащить его в сторону «Небесного берега», но им в спины послышалось требовательное:

– Подождите!

Герсий вырвал руку, опустил глаза.

– Давно не виделись, милый, – проворковал один из мужчин, тот, который постоянно смотрел на Герсия и ухмылялся.

– А он и правда красив! – воскликнул другой аристократ, словно оценивал товар в магазине.

– Даже еще красивее, чем ты рассказывал, Аластар. – Губы третьего мужчины растянулись в довольной улыбке.

Герсий смотрел себе под ноги. Эванжелина плохо понимала, что происходит. Эверлинг дернул плечом – он часто так делал прежде, чем нанести удар, – но не ударил.

– Ну чего молчишь? Мне казалось, мы хорошо тогда провели ночь.

Тот, кого называли Аластаром, собственническим движением взял Герсия за подбородок и заставил поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Он ухмыльнулся. Жадно, гадко, похотливо. И облизал губы.

Герсий ощущал собственное учащенное сердцебиение. Лицо обдало жаром стыда. Больше всего он хотел, чтобы этот момент закончился, чтобы они вернулись на арену. Чтобы они не выходили сегодня за пределы «Небесного берега». Воспоминания о той ночи, когда Ирмтон Пини отдал его на растерзание нескольким аристократам, стояли перед глазами, словно это произошло вчера. Он не помнил, сколько мужчин там было. Не помнил, сколько раз они брали его и когда закончили. Зато он помнил смех, довольные стоны, мерзкие, скользкие прикосновения. Он помнил каждого из них и не желал еще раз встречаться ни при каких обстоятельствах.

– Убери от него свои грязные руки. – Эверлинг не говорил – он рычал, отчеканивая каждое слово.

Аластар только сейчас заметил Эверлинга и удивленно повернулся на голос. Эванжелина испуганно смотрела то на Герсия, то на Эверлинга и понимала, что дело стремительно приближается к драке: Эверлинг не привык сдерживаться ни на арене, ни в жизни.

Аластар прищурил глаза и вернул внимание к Герсию. Рук он не убрал. Двое мужчин продолжали бесстыдно пожирать Герсия глазами.

– Я был бы не против повторить. Только уже без лишних участников, только ты и я. – Он еще раз облизал губы.

Герсий вздрогнул.

Эверлинг с размаху ударил кулаком Аластара.

Эванжелина вскрикнула и тут же зажала рот рукой.

Двое аристократов перестали смеяться, но в драку с Эверлингом полезть не рискнули. Аластар не удержался на ногах и упал. Прохожие стали оборачиваться, кто-то останавливался и шептался.

– Какого демона? – прошипел Аластар.

– Тебя сожгут, если мы донесем на тебя, – произнес второй мужчина.

– Линг, не дури! – крикнул Герсий, наконец взяв себя в руки.

– Угомонись, Линг! – твердо потребовала Эванжелина.

Эверлинг тяжело дышал, глаза сверкали ярче солнца, и он был готов в любой момент наброситься на Аластара, скажи тот хоть слово. Но Аластар притих, не желая получить еще один удар в челюсть. Не хватало еще потом вправлять.

О грязных секретах аристократы не трепались в высшем обществе, но между собой, когда их никто не слышал, когда все видели только приличных богатых мужчин, на которых стоило равняться, они могли перешептываться и требовать еще одну ночь наслаждений от того, кому все равно никто никогда не поверит. И Эверлинга это злило сильнее, чем необходимость регулярно сражаться по приказам Ирмтона.

Безысходность доводила до предела. Эфемерные остатки терпения трещали по швам от одного взгляда на Аластара и его спутников. Если бы он только мог испепелить весь мир, если бы мог уничтожить всех виновных в том, что происходило в Форте, Эверлинг уже совершил бы все возможные преступления. Но он не мог.

Герсий чувствовал, как внутри желание уберечь Эверлинга и Эванжелину от ненужных неприятностей борется со стыдом и желанием быть защищенным. Эверлинг умел защищать от всего, кроме бессмысленной системы, выстроенной несколько поколений назад предком короля Иоганна. Герсий смог выпрямиться и поднять голову, чтобы смотреть на Аластара и двух других аристократов без тени сомнений.

– Вы не донесете, – уверенно и зло прошипел Эверлинг.

Он замахнулся еще раз, но Герсий ухватил его за руку и удержал.

– Откуда столько уверенности, щенок? – усмехнулся Аластар и поднялся на ноги.

Эверлинг, выдернув руку, подошел вплотную к Аластару и прошептал так, чтобы слышал только он:

– Никто ведь не должен знать, чем господин Аластар Конн занимается по ночам? Никто не должен знать, что он любит насиловать красивых мальчиков в несколько раз младше его самого. Я прав?

Аластар сплюнул в ноги Эверлинга – поступок, недостойный аристократа из высшего общества, приближенного короля. Губы Эверлинга искривились в надменном и яростном оскале.

– Это ради него ты отказался сражаться? – обратился Аластар к Герсию, которого снова передернуло от его слов. – Как убого. Или тебе просто нравится быть шлюхой?

Эверлинг врезал ему еще раз, и ни Герсий, ни Эванжелина не успели его удержать. На этот раз Аластара поймали двое приятелей и не дали упасть.

– Ты слишком многое себе позволяешь, Кровавый Император, – холодно произнес один из мужчин, чьего имени они не знали.

– Как и ты, – рыкнул Эверлинг.

Эванжелина хотела вмешаться и извиниться, пока не поздно, но Эверлинг резко дернул ее за плечо, когда она выскочила перед ним.

– Хватит, Линг! Прощу, – чуть тише добавил Герсий.

Плечи Эверлинга опустились.

– В следующий раз тебе это с рук не сойдет, Кровавый Император. Я ведь могу попросить ночь не только с ним, – Аластар указал на Герсия. – Могу заплатить Ирмтону и за тебя, и за вас обоих.

Эверлинг был готов ударить в третий раз, но Эванжелина обхватила его сзади, а приятели-аристократы рывком оттащили Аластара назад.

– Господа, у вас какие-то проблемы?

Полицейский в форме появился между ними неожиданно в сопровождении женщины в роскошном бордовом платье. С гордо поднятой головой она презрительно осматривала всех участников конфликта и явно не собиралась вступать в диалог.

– Нет, – коротко ответил Аластар. – Никаких проблем.

– Мэм, мы приносим свои извинения, если доставили вам неудобства, – один из мужчин приподнял шляпу и поклонился женщине.

Та хмыкнула.

– Вы уверены, господа?

Полицейский общался исключительно с аристократами, а на тех, на ком заметил ошейники «Небесного берега», не обращал ни малейшего внимания, будто бы это было ниже его достоинства.

– Уверены.

Полицейский задержался на несколько секунд, ожидая продолжения конфликта, но его не последовало, и в итоге ему пришлось уйти, как и недовольной даме в бордовом платье.

Мужчины отряхнули свои костюмы, особенно долго отряхивал от пыли одежду Аластар, а после, не сказав ни слова, направились прочь. Единственной их целью было унижить того, кого они могли унижить без последствий. Аластар один раз обернулся.

Без лишних слов Эверлинг, Герсий и Эванжелина развернулись и пошли к безлюдной улочке, по которой пришли на площадь.

– Ты мог сказать хоть слово, чтобы он прекратил унижать тебя?

Эванжелина вздохнула, едва Эверлинг заговорил. У нее не было никакого желания выслушивать нотации и претензии после всего случившегося, она молча сжимала в одной руке плюшевую птичку, а в другой держала пакет со сладостями из магазинчика, в который больше не попадет.

Герсий покачал головой: у него тоже не было ни сил, ни желания говорить, а тем более спорить с Эверлингом и что-то ему объяснять.

– Герсий! Так и будешь позволять им иметь себя? Что с тобой не так? – продолжал Эверлинг. – Эти аристократические мрази издеваются над нами. Они могут платить деньги за зрелища на арене, но не могут распоряжаться нашими жизнями. Мы – тройка лучших бойцов на арене, даже такой отъявленный гад, как Ирмтон, не убьет нас, потому что мы приносим ему доход. Так чего ты молчал? Или он был прав и тебе действительно нравится быть шлюхой? Что, с твоим прошлым научился этим наслаждаться? – не подумав, добавил Эверлинг.

Герсий остановился. Эверлинг сделал еще несколько шагов и тоже остановился. Эванжелина в голос застонала:

– Когда вы научитесь говорить друг с другом? – вскричала она и быстро зашагала вперед, не дожидаясь их.

– Гер... – начал Эверлинг, но так и не извинился, потому что не имел ни малейшего понятия, как просить прощения.

Он понимал, что сказал лишнего. Он мог сколько угодно отчитывать Герсия за его молчание, но последняя фраза перешла все границы, которые Эверлинг не хотел переходить, как бы сильно ни злился.

– Не надо, ты абсолютно прав, Линг.

К арене они вернулись молча.

Джодера и Джейлей ждали их в общей комнате, которую многие бойцы про себя называли гостиной – так создавалось подобие дома. Это был немного более уютный зал со столиками, чайником и коробкой чая, несколькими диванами и креслами. Такие гостиные находились в каждом крыле жилых комнат. Там же на стене вывешивали расписание следующих боев.

Когда Эверлинг и Герсий вернулись, Эванжелина уже сидела там.

Джодера и Джейлей сидели рядом друг с другом, выглядели расстроенными и потерянными. Лежащий рядом, открытый и нетронутый пакет со сладостями ничуть их не радовал. Вид Эванжелины был не многим лучше. Она свернулась на кресле, обняв себя руками, и даже головы не подняла, когда они пришли. А потом Джейлей указал пальцем на стену, где охранники уже вывесили расписание.

Внутри у Эверлинга все похолодело. Герсий быстро направился к расписанию и прочитал вслух:

– Вторник, семь вечера: Эверлинг Рагнар против Эванжелины Фрейр. Среда, семь вечера: Джейлей Элберз против Джодеры Элберз.

Глава 5

Побег

Голова у нее гудела, горло жгло, а попытка заговорить обернулась сильным кашлем. Лиара открыла глаза и приподнялась на локтях. Она лежала на кровати в незнакомой комнате. Рядом никого не было. Закашлявшись снова, она встала, чувствуя непомерную усталость, и направилась к выходу из спальни. Слабость расплывалась по всему телу, очень хотелось лечь обратно, закутаться в одеяло и уснуть, но Лиара заставила себя выйти в коридор. Перед ней стоял Нэйтан с сумкой через плечо и небольшим свертком в руках. Он уже хотел стучать в дверь, но Лиара его опередила.

– Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил он.

Лиара пожала плечами: говорить было больно. Нэйтан запихал сверток в сумку и взял Лиару за руку.

– Нам нужно уходить. Как можно быстрее.

– Нэй... – прохрипела она.

Он обернулся.

– Что произошло?

Нэйтан с трудом разобрал, что она спросила. Но взволнованное лицо Лиары говорило само за себя. Она крепко сжала его ладонь, но не сделала ни шагу. А потом заметила незнакомую одежду сначала на нем, потом на себе, и в глазах у нее заплескался ужас. Белая рубашка и широкие темные брюки, явно женские, сидели на ней отлично, но Лиара никогда не носила ничего подобного, а оказавшись в лаборатории, владела только мешковатой грубой сорочкой не по размеру.

Она вцепилась в штанину, сжала пальцы и вскинула растерянный взгляд на Нэйтана.

– Надо было тебя во что-то одеть, – выпалил он. – А теперь пойдем! Нам надо убираться отсюда как можно скорее. И ты, кстати, разрушила клетки, – на эмоциях добавил Нэйтан.

Лиара дернула его за руку.

– Что? – шепнула она.

Вид у нее стал еще более растерянный. Тишина в особняке начала напрягать. Лиара нахмурилась, посмотрела в одну сторону коридора, потом в другую и, наконец, снова оглянулась на спальню, в дверях которой стояла. Непонимание сменилось ужасом. Она вырвала руку и, подбежав к окну, выглянула наружу. На улице около дома лежало двое охранников с разо-

рванными головами. У одного была оторвана рука. Еще один человек в белом халате лежал ближе к дому в луже собственной крови. Все они были мертвы.

Лиара вскрикнула и отпрянула от окна. Горло снова начало жечь, и она невольно схватила себя за шею, словно боль могла пройти от прикосновений.

– Не бойся, – быстро заговорил Нэйтан. – Но нам правда очень нужно уходить, – повторил он уже в третий раз.

Лиара не отреагировала.

Сердце у нее колотилось так же быстро, как и в подземных лабораториях всякий раз, когда мужчины в белых халатах пристегивали ее ремнями. Она боялась. И в первый раз, и в десятый. И сейчас тоже боялась, видя трупы и не помня события последних часов.

– Что произошло? – снова хрипло спросила Лиара и опять откашлялась в надежде, что боль в горле пройдет.

– Кажется, ты их убила, – выпалил Нэйтан и хотел в четвертый раз попросить ее уйти, но не стал.

Лиара схватилась за подоконник и тяжело задышала.

– Не знаю, как это произошло. Но твой крик заставил железные прутья в клетках сломаться. Кого-то закололо ими, а кто-то смог сбежать. Многие падали замертво – и врачи, и мы, заключенные. У кого-то текла кровь из... Да отовсюду. А тех, кто был рядом с тобой, разорвало на части...

Нэйтан пожалел о сказанном сразу, как только закончил. Лиара схватилась за голову и рухнула на колени с отсутствующим взглядом. Она молчала и смотрела в одну точку. Было слышно, как тикают часы. Нэйтан подбежал к Лиаре и сам попытался ее поднять.

– Лиа, пожалуйста! Со своей совестью разберешься потом, сейчас нам надо убегать отсюда, как ты не понимаешь! Сюда в любой момент могут нагрянуть... солдаты, или еще врачи, или... кто там еще может нагрянуть, я не знаю, но пора бежать. Я собрал немного еды и одежды в дорогу. Вернемся к Фрайде, а там разберемся, что делать дальше. Ну же, Лиа!

Он обнял ее, прижался щекой к волосам, закрыл глаза.

– Пойдем. Кто-то мог остаться в живых. Если очнется, нам точно уже не попасть домой, – испуганно прошептал Нэйтан.

Лиара еле слышно выдавила:

– Хорошо.

Рисковать Нэйтаном она была не готова. Будь она здесь одна, так бы и осталась сидеть на коленях рядом с окном в чужой спальне, но Нэйтан всегда заставлял ее двигаться вперед и не сдаваться. Он был ее движущей силой и опорой с момента знакомства.

Если все это действительно сделала Лиара и если кто-то после такого выжил, то Нэйтан был прав: им нужно бежать куда глаза глядят.

Он, снова взяв ее за руку, потянул за собой. Вместе они спустились на первый этаж. Стены местами были испачканы в крови, в коридоре лежало несколько трупов, у которых вместо голов осталось лишь непонятное месиво. Ни Нэйтан, ни Лиара не хотели задерживать внимание на этом и разбираться, кого же так размазало.

Они выбежали из особняка и рванули в лес по направлению, как они думали, к их родному городку Атрису.

В голове у Нэйтана шумело, сознание воспроизводило крики Лиары и остальных после того, как все начало рушиться. Перед глазами мелькали растерзанные трупы, но он старался выкинуть все ненужные картинки из головы и сосредоточиться на том, куда они бегут. Сейчас он не мог позволить себе думать о собственных чувствах: это могло убить их обоих.

Они бежали без оглядки так быстро, как могли, и оказались в густом лесу. Листва хлестала по лицу, рукам, ногам, но Нэйтан и Лиара не останавливались.

Лиара вскрикнула, когда очередная ветвь больно стегнула по щеке, остановилась и закрыла ладонью место удара. Нэйтан тоже затормозил, вернулся и потянул ее дальше.

– Потом! Знаю, что больно, но давай еще немного...

У него на лбу вырисовывалась длинная кровоточащая царапина. Лиара стиснула зубы и снова побежала за Нэйтаном. Ноги дрожали. Нэйтан споткнулся, упал, затем сразу же встал и снова побежал. Лиара чуть не врезалась в дерево, но в последний момент смогла обежать его. Дыхание сбилось так сильно, что оба начали задыхаться и жадно хватать ртом воздух, но не останавливались – лишь бы уйти еще хоть на шаг подальше от лаборатории.

Когда ноги уже горели от усталости, Лиара упала. Нэйтан обогнал ее на пару метров и тоже рухнул плашмя. Никто не мог произнести ни слова, они просто пытались отдышаться и не чувствовать, как ступни и голени колет тысяча иголок.

Нэйтан поднял голову и посмотрел назад: лаборатории, конечно же, не было видно, но он знал, что она все еще стояла где-то там, целая, почти невредимая, а рядом лежали убитые Лиарой врачи, их ассистенты, охранники и еще несколько безымянных, бездомных людей, о которых никто никогда не вспомнит.

Лиара застонала, вцепилась в траву и вырвала ее.

– Не могу больше, Нэй. Давай отдохнем, – прерывисто произнесла Лиара.

– Отдохнем, – эхом повторил Нэйтан.

По ощущениям, они пролежали на траве не меньше трех часов. Будь у них возможность, они бы остались в таком положении еще на день, а лучше – на два. Но Нэйтан заставил себя подняться, отполз к дереву и сел поудобнее. Лиара приподняла голову, уткнулась лбом в траву. Он расслабленно засмеялся, и она снова вырвала пучок травы и швырнула в Нэйтана, а после перевернулась на спину.

Память стала потихоньку к ней возвращаться, шок проходил, сменяя себя ужасом перед самой собой и искренним непониманием, как она могла такое совершить. Не то чтобы картинки в памяти были четкими. Она вспомнила, как мужчина в белом халате раздвинул ей ноги, как спустил с себя брюки... Вспомнила резкую боль, пронзившую все тело. Эта боль отличалась от той, которую она испытывала после уколов. Эта боль отбирала последнее, чем она владела, – ее личность, девушку, которой она была.

Поселившиеся внутри монстры втихомолку царапали стены души и рычали, обнажая клыки. Их присутствие она ощутила, когда мужчина в белом халате вошел в нее. Их присутствие – она знала – теперь постоянно.

Лиара закрыла глаза. Время близилось к вечеру, начинало холодать, а она даже не подозревала, какое время года наступило. Судя по зеленым деревьям, была весна, но также могло быть очень прохладное лето или ранняя осень.

– Голодная? – голос Нэйтана ворвался в поток мыслей, и Лиара распахнула глаза.

Про голод она не думала, только про мужчину в белом халате, завладевшего ее телом.

– Не знаю. Немного. Да.

Нэйтан открыл сумку, вытащил из нее коробку крекеров и две банки консервов.

– Нэй, – позвала Лиара, когда он начал вскрывать консервы ножом. – Что ты... видел?

Нэйтан замер.

– О чем ты?

– Это ведь ты вытащил меня из лаборатории и принес в ту спальню. Больше никому, – голос у нее дрогнул. Она сморгнула слезы.

– Больше никому, – эхом повторил Нэйтан.

У него не было никакого желания объяснять Лиаре, что он видел, что делал и как себя чувствовал в те секунды, когда понял, что произошло. Но был готов выслушать, если она хотела что-то сказать.

Она не хотела.

– Так что ты видел?

«Видел ли меня без одежды? Видел ли кровь между ног? Это ты отмыл меня, ты переодел? Как долго ты рассматривал мое тело?» Нэйтан слышал эти вопросы в четырех словах, произнесенных Лиарой.

– Ничего, – соврал он.

Оба понимали, что такого быть не могло, но сделали вид, будто поверили. Она благодарно кивнула, вытерла навернувшиеся слезы, на коленях подползла к Нэйтану и устроилась рядом.

Он протянул банку с консервами и положил между ними коробку с крекерами.

– Извини, столовое серебро я не захватил.

– И чем ты предлагаешь мне есть? Руками? – с притворным раздражением спросила Лиара.

У обоих вырвался расслабленный смешок.

– Когда будешь готова поговорить, я рядом, – совсем тихо произнес Нэйтан.

Лиара не ответила и молча начала есть. Нэйтан не рассчитывал на какой-либо ответ, но заметил, как у нее снова заблестели глаза. Она глотала еду и слезы, игнорируя, то как внутри все сжимается, а потом рвется наружу, и снова сжимается, и так по кругу.

В полной тишине они поужинали.

Солнце уже село, начинало темнеть. Ночью оставаться в лесу было рискованно, но выбора у них не было. Разводить костер – слишком опасно. Спать обоим – еще опаснее.

– Поспи немного. А я пока посижу рядом, – сказал Нэйтан, когда Лиара отложила в сторону пустую банку и вытерла руки о траву.

– Потом поменяемся?

Она и сама не знала, спрашивает или утверждает, но Нэйтан протянул неопределенное «угу», и Лиара свернулась клубочком рядом и подложила под голову собственную ладонь. Спать хотелось ужасно, но пережитые события вперемешку с усталостью не позволяли даже глаз сомкнуть. Она просто лежала и пялилась на желтый цветок, как вдруг почувствовала что-то теплое. Нэйтан накинул на нее какую-то кофту, которую вытащил из сумки.

– Так будет теплее, – шепотом объяснил он.

Лиара привстала и, недолго думая, надела кофту.

– Спасибо. Ты не замерзнешь? Можем...

Она запнулась. Хотела предложить обняться, но не была уверена, что сможет. Фантомные ощущения чужих пальцев на коже тревожили ее всякий раз, когда она останавливалась, когда не бежала и не была занята.

Нэйтан покачал головой:

– Все в порядке. Попробуй немного поспать.

– Не понимаю, – после недолгой паузы Лиара вновь заговорила.

Спать она не могла.

– Чего именно?

Нэйтан пододвинулся ближе к ней, чтобы говорить тише и при этом друг друга слышать. Он осторожно коснулся ее плеча – Лиара не дернулась, но Нэйтан почувствовал в ней напряжение.

– Ты сказал, я разрушила клетку. Там стояли железные прутья. Магия крови на такое не способна. Во всяком случае, я никогда не слышала подобных историй. Даже в книгах таких чудес не бывает. Уверен, что это была я?

Нэйтан задумался. Конечно, не уверен. В момент, когда все пошло не так, он ничего не понимал, просто действовал по инерции и не задумываясь. Знал, что должен спасти самого дорогого человека и себя, обо всех остальных не вспоминал. Лиаре бы это не понравилось, скажи он ей, поэтому Нэйтан и не сказал. Может быть, у него был шанс спасти кого-то из

тех, с кем они сидели в одном помещении последние два года, но ведь он даже имен у них не спрашивал.

Подул легкий ветерок, в лесу совсем стемнело. Скоро станет еще холоднее. Нэйтан поежился, надеясь, что Лиара ничего не заметила, и притянул к себе колени.

– В крови есть железо, я читал в одной из книг, которая была в приюте, – ответил Нэйтан, пытаясь найти хоть одно логическое объяснение.

Лиара резко села.

– Но ведь... я не умею пользоваться магией крови. Они пытались сделать из меня ведьму, но... я даже не понимаю, как это работает.

Она была растеряна, напугана и очень хотела домой. В их небольшой домик в Атрисе, где они поселились после выхода из приюта, где неподалеку жила воспитательница Фрайда, заменившая им мать, где она знала поименно не только жителей города, но и всех дворовых собак и кошек. Лиара почувствовала, как снова хочется плакать, и порадовалась, что наступила ночь. Нэйтан всегда боялся ее слез, они вводили его в ступор, и он совершенно не понимал, что нужно делать и как ее успокаивать. А ведь Лиара не требовала ничего сложного: просто посидеть рядом и обнять ее было бы вполне достаточно. Она мотнула головой, прогоняя и слезы, и дурные мысли.

– Больше у меня объяснений нет, – признался Нэйтан. – Разве что они открыли какую-то новую магию, о которой никто не знает.

– Это совсем бред, – не согласилась Лиара. – Как в стране, которая ненавидит магию, могут открыть новый вид, основанный на самой опасной силе.

– Не самой. Самая опасная – магия разума.

– Но магов разума слишком мало, воспитательница Фрайда рассказывала, помнишь? А сильных и того меньше. В конце концов, контролировать чужое сознание та еще задачка...

– Ну не скажи. Король Иоганн и все его предки прекрасно справляются с этой задачей и без особой силы вот уже сколько веков. – Нэйтан грустно рассмеялся.

Лиара совсем поникла:

– Может, это не я?

Предположение обоим казалось глупым, но Лиара хотела надеяться, что не она виновата в смерти людей, а Нэйтан не хотел расстраивать ее еще сильнее после всего случившегося, поэтому сказал:

– Может, и не ты.

Лиара вздохнула с такой горечью и болью, что Нэйтану непременно захотелось ее прижать к себе и поцеловать в лоб, но он сдержался.

– Хватит болтать, спи давай, – с притворным недовольством буркнул Нэйтан.

Лиара придвинулась ближе и спиной уперлась в его бедро, а после обхватила себя руками. Только в таком положении она смогла уснуть беспокойным сном.

Лес погрузился в мертвую тишину, и можно было расслышать их спокойное дыхание. Нэйтан медленно стал перебирать светлые запутавшиеся волосы Лиары, пропуская их между пальцев. Лишь когда она заснула, пережитый шок отошел на второй план, сменяясь запоздало подоспевшим осознанием, что сделал мужчина в белом халате. Это осознание свалилось на голову слишком неожиданно, и Нэйтану захотелось кричать.

Мужчина в белом халате изнасиловал Лиару, и Нэйтан никак не смог этому помешать. Пальцы замерли, пряди волос выскользнули из рук. Он сильно зажал рот ладонями, зажмурил глаза и старался дышать медленнее. Короткий тихий стон вырвался из горла.

Лиара пошевелилась, но не проснулась, и Нэйтан прикусил язык. Внутри раздирало убивающее чувство беспомощности и осознание, что защитить ее он никогда не мог. Он позволил им оказаться в лаборатории, позволил людям в белых халатах пытаться их не один год, позво-

лил тому мужчине завладеть Лиарой. Даже выбрались они благодаря Лиаре: он просто сидел в холодной камере и ждал, слушая ее крик.

Первобытное желание что-нибудь разрушить поселилось в голове навязчивой идеей, но Нэйтан боялся пошевелиться, чтобы не разбудить Лиару. Он впился ногтями в землю и вырвал клоч травы вместе с корнями. Сжимал землю и растения в руке, надеясь, что они могут чувствовать его прикосновение. Ему срочно нужно было причинить кому-то боль, чтобы заглушить свою.

С первыми лучами солнца Нэйтан тронул Лиару за плечо: пора вставать. Она протерла глаза, зевнула и сонно произнесла:

– Теперь ты поспи.

– Думаю, нам лучше продолжить путь, – ответил Нэйтан. – Посплю следующей ночью.

– Но ты вообще не отдохнул! – возмутилась Лиара.

– Съешь пару крекеров, и пойдем. – Он кинул ей коробку с печеньем.

На том и сошлись. Лиара быстро позавтракала, вернула Нэйтану еду, и они направились на север.

– Что-то не так... – настороженно шепнула Лиара, услышав странный шорох.

Она начала оглядываться, всматриваться в чашу леса и нахмурилась. Вернула карту Нэйтану, прошла чуть вперед. Послышался шорох. Лиара и Нэйтан посмотрели в одну сторону. Им показалось, что время остановилось, как вдруг на них выпрыгнул огромный бурый медведь.

Он открыл глаза. Было ощущение, будто кто-то все это время бил его молотком по голове, но, кажется, никаких серьезных травм не появилось. Он пошевелил сначала пальцами, потом кистью и стал медленно подниматься. Вокруг лежали трупы тех, с кем он работал последние лет пять, и каждого он знал по имени. В груди неприятно кольнуло – то ли от осознания трагедии, то ли от страха за собственную жизнь. Какая-то девчонка не на шутку разбушевалась, усмирить ее, судя по всему, не смогли.

Он широко улыбнулся: это значило, что у них получилось. Спустя столько времени работы они смогли привить магию человеку, рожденному без магии. А это давало массу возможностей. Его господин будет доволен, узнав такие новости, но точно разозлится, когда выяснится, при каких обстоятельствах выявился прогресс.

Погибшие волновали мало. Он отряхнул одежду и направился вверх к своей спальне – принять душ, переодеться. Достижение цели стояло выше чужих жизней, а чтобы добиться необходимого, ему нужно хорошо выглядеть и чувствовать себя хотя бы сносно.

Смыв с себя кровь и грязь, он переоделся, быстро перекусил и начал писать письмо. Они всегда держали нескольких почтовых голубей, чтобы можно было обмениваться информацией и не переживать, что на почте их письма вскроют. Умные птицы подчинялись нескольким магам природы, работающим с ними, так что он не волновался: информация точно попадет в нужные руки.

Он привязал конверт к тонкой птичьей лапке и вышел на улицу. Лошадей у них не было – их забирали, как только привозили в секретную лабораторию, чтобы уйти было сложнее. Впрочем, на его памяти еще никто не пытался покинуть лабораторию.

Пешком он направился в сторону маленьких городков на границе с Индаррой.

Белый голубь постучал клювом в стекло. Высокий мужчина в белом костюме поднялся с кресла и открыл окно. Белая кожа, блондинистые волосы и светло-голубые глаза в свете свечей казались темнее, чем были на самом деле. Он впустил птицу в комнату и, отвязав небольшое письмо, пробежался глазами по строкам и тихо выругался. Черты лица стали суровыми, взгляд заблестел жестокостью.

Он быстро пересек комнату, вышел в коридор.

– Мэрин! Эйнен! – выкрикнул мужчина.

Девушка лет двадцати и парень на пару лет ее старше выглянули из гостиной, где до этого сидели, закопавшись в огромные стопки исследований, присланных из лабораторий.

– Что-то случилось, милорд? – обеспокоенно спросила Мэрин.

– Случилось.

Мужчина решительно зашел в светлую гостиную, глянул на стол, задержал взгляд на личном деле одного из пойманных сирот, волей случая оказавшихся в приюте. И протянул Мэрин письмо.

Она быстро прочитала и, прикрыв рот ладонью, передала письмо Эйнену. Тот ознакомился с текстом и нахмурился.

– Что будем делать, милорд? – серьезно спросил Эйнен.

– Отправьте всех, кто свободен, на поиски сбежавших. Если кто-то узнает, нам конец. Все должно оставаться в секрете. Мэрин, можешь сделать так, чтобы животные следили за всеми, кто будет передвигаться по лесу, и передавали информацию мне?

Мэрин задумалась и сняла круглые очки. Она никогда не жаловалась на свою магию природы или на отсутствие сил, но одно дело – подчинить себе парочку почтовых голубей, и совсем другое – лесных, диких зверей, находившихся за много километров от нее.

– Сделаю все возможное, милорд!

– Не подведите.

Мужчина оставил письмо в руках Эйнена и вышел из зала.

Мэрин и Эйнен переглянулись, а после быстро побежали на первый этаж: он не любил ждать и требовал, чтобы все его приказы исполнялись немедленно, а Мэрин и Эйнен не любили задерживать важные дела.

Глава 6

Враждебный город

– Ты издеваешься? – прикрикнул Эверлинг.

Он не поверил своим ушам и не поверил Герсию, думая, что тот просто хочет его проучить за постоянные срывы. Он быстро пересек гостиную, оказался напротив доски с расписанием и прочитал:

«Понедельник, семь вечера: Герсий Мидос против Эсмонда Ванджелиса.

Вторник, семь вечера: Эверлинг Рагнар против Эванжелины Фрейр.

Среда, семь вечера: Джейлей Элберз против Джодеры Элберз».

Эверлинг перечитал расписание раз пять подряд, но до конца так и не смог сопоставить все. Голова гудела, создавалось ощущение, словно его оглушили. В горле пересохло. Герсий молча наблюдал за ним, смотря с каким-то только ему свойственным состраданием. Его сожаление ощущалось физически и дарило успокоение, тогда как сочувствие со стороны других Эверлинга, как правило, унижало. Он мотнул головой.

Джодера и Джейлей держались за руки. Пакет со сладостями стоял рядом, но они перестали обращать на него внимание. При одном взгляде на них становилось больно: настолько потерянно и напуганно они выглядели. Смотрели перед собой, не моргая, и не замечали присутствия остальных. Эванжелина никак не реагировала, неподвижно сидела в кресле в той же позе и так же пялилась в одну точку. Поза выдавала напряжение. Она до сих пор не сняла синее платье. Видеть Эванжелину такой было сродни получению пули в грудь.

Эверлинг хотел ее успокоить, если бы знал как. Он знал: она ни за что на него не нападет, и был уверен, – она поддастся ему, как это сделал Герсий несколько лет назад. И ему бы задвинуть сердце подальше да выйти на бой, но как он мог поступить так с ней? С Джейлеем и Джодерой, которые всегда старались его развеселить? С Герсием, с которым уже однажды так поступил?

Он еще раз перечитал расписание, искренне надеясь, что в первые пять раз понял что-то не так. Герсий все еще сверлил его взглядом и молча выражал участие. Внутри все начинало закипать, и Эверлинг был готов высказать все, что думает, как вдруг Герсий произнес:

– Мы можем сбежать.

Его слова ударились о стены, раздались эхом в головах. Эванжелина резко подняла голову и уставилась на Герсия. Джодера и Джейлей переглянулись и тоже уставились на него. Эверлинг фыркнул и хотел уйти, но Герсий мягко коснулся его плеча, заставляя остановиться.

– Ты избил меня до полусмерти, когда Ирмтон выставил нас друг против друга, но даже со мной не был готов использовать магию.

– О чем ты? – перебил его Эверлинг.

Они никогда не говорили о том бое.

– Вряд ли ты готов так же избить Эву.

Эверлинг дернул плечом, чтобы больше не чувствовать прикосновения.

– Я не знаю, что Ирмтон сделал с тобой после того боя, вряд ли просто погладил по головке. Зато хорошо помню, чему он подверг меня, и я не желаю того же самого ни тебе, ни Эве, – уверенно продолжал Герсий.

Все знали, что случилось с ним; никто никогда не говорил об этом вслух. Но сегодняшний день выходил за все допустимые пределы.

– Хорошо, допустим. И как мы сбежим? – с долей скептицизма спросил Эверлинг.

Эванжелина разогнулась и села поудобнее, потянувшись. Эверлинг заметил у нее на коленях игрушечную птичку, которую сегодня купил ей, и с трудом сдержал улыбку. Своей семьи он никогда не знал, но Эванжелина стала для него младшей сестрой, о которой всегда нужно заботиться. Она притянула игрушку к себе.

– Устроим революцию? – пошутила Джодера, горько усмехнувшись.

– Ну да, и заодно короля свергнем, – поддержал Джейлей.

Они хихикнули, но сразу же успокоились.

– Мой бой перед вашими. Я маг разума. Можем попробовать, – объяснил Герсий.

Повисла тишина. Каждый обдумывал его слова, и каждый очень хотел согласиться. Их общие опасения высказала Эванжелина:

– Если не получится, то как минимум он снова отправит тебя на растерзание толпе аристократов, готовых платить деньги. И это в лучшем случае, если у Ирмтона будет хорошее настроение. Попытка побега – это не проигранный бой, в котором Ирмтон потеряет часть денег. Это... символ того, что мы готовы сражаться за отобранную свободу. Он не ограничится одним наказанием только для тебя, и я даже представить не могу, что он может сделать со всеми нами.

– А что делали с теми, кто пытался сбежать? – спросил Джейлей.

Все повернулись к нему.

– За всю историю «Небесного берега» что, ни разу не было побегов?

– Были, – тихо ответил Герсий. Он громко вдохнул и скрестил руки на груди, вцепившись себе в плечи. – Одних привязывали на площади и сдирали с них кожу. Других четвертовали. Двоих распяли на кресте, это было лет тридцать назад, кажется.

Эванжелина поежилась и крепче стиснула птичку, нахмурившись. Джейлей притих, взгляд у него забегал по стене. Эверлинг не шелохнулся. И только Джодера тихо спросила:

– Откуда знаешь?

Герсий замялся, но в итоге ответил:

– Аристократы разное любят рассказывать.

– Сколько раз он тебя продавал? – неожиданно спросил Эверлинг.

Герсий отшатнулся.

– «Аристократы разное любят рассказывать» – серьезно? Сколько раз?

Теперь притихли все. Кто-то рассматривал пол, кто-то – стены, кто-то – свои руки. Эверлинг же в упор смотрел на Герсия и ждал – требовал – ответа.

Молчание затягивалось. Какая-то бойцовщица хотела зайти в гостиную, но остановилась на пороге и сразу же, развернувшись, ушла, не выдержав царившего напряжения.

Никто не смел заговорить первым.

– Достаточно, чтобы я узнал много историй и слухов, – сказал наконец Герсий, когда тишина стала совсем невыносимой.

Он думал, Эверлинг его ударит, но тот ударил кулаком в стену, да так сильно, что разбил костяшки пальцев.

Вечером следующего дня Герсию принесли черный костюм в коробке, перевязанной черной атласной лентой. Из бойцов-магов никто не знал, зачем нужен был весь этот фарс, и Герсий поморщился, забирая коробку у охранника. Эверлинг не разговаривал с ним со вчерашнего дня. Когда Герсий ложился спать, Эверлинга не было. Когда Герсий проснулся, Эверлинга не было то ли уже, то ли еще. Уйти далеко он не мог, скорее всего, находился на территории арены, но видеть пустую застеленную кровать отчего-то было невыносимо больно.

Их отношения испортились пять лет назад. Герсию было девятнадцать, Эверлингу – восемнадцать, и оба не хотели выходить на арену друг против друга. Спрашивать их, разумеется, никто не стал – поставили перед фактом.

Герсий хотел сдаться сразу.

– Я не стану биться против того, кто успокаивает меня после ночных кошмаров.

Эверлинг бесстрастно ответил:

– Не беспокойся, никто не ждет победы от противника мага разума. Сражайся и выиграй.

Герсий тогда согласился. Не хотел, но разве с Эверлингом поспоришь. Они вышли на бой. Герсий в черном, Эверлинг в белом. Ирмтон Пини требовал зрелища, дал конкретные установки, как и всегда. Все деньги были поставлены на победу Герсия Мидоса, потому что маги разума никогда не проигрывали, тем более такие маги разума, как Герсий. То была битва, после которой Эверлинг Рагнар стал Кровавым Императором, магом крови и лучшим бойцом арены без единого проигрыша. Таким бойцом должен был стать Герсий.

Не стал.

Едва оказавшись в тот день на арене, Герсий растерялся, а после понял, что никогда не сможет применить магию к Эверлингу. Они столкнулись взглядами, и Герсий опустил голову. Ирмтон Пини объявил бой и вальяжно удалился с арены. Эверлинг сорвался и бросился к Герсию, в одночасье повалил его и вдавил локтем в землю. Его зеленые глаза пылали привычной яростью. Надавив сильнее, Эверлинг рассчитывал получить отпор. Пусть Герсий никогда не смог бы сравниться с ним в рукопашном бою один на один, но слабоком он не был.

Каково же было разочарование Эверлинга, когда Герсий молча покачал головой.

– Какого демона ты творишь? – прошипел Эверлинг.

– Я не могу сражаться против тебя, – ответил Герсий.

Его искренность тогда сразила Эверлинга, он ослабил хватку, до конца не понимая услышанных слов. Внутри поселилось ощущение, будто его окатили ледяной водой. Он открыл рот, сразу закрыл, надавил локтем на шею Герсия и тут же отпустил. Герсий лежал неподвижно. Они смотрели друг другу в глаза: Герсий – спокойно, Эверлинг – разъяренно. И ни один из них не был готов продолжать.

– Не заставляй меня этого делать, – наконец произнес Эверлинг.

Рев толпы сошел на нет, зрители недоумевали, почему бой остановился, толком не начавшись.

– Линг, я не могу, – спокойно повторил Герсий. Для себя он уже все решил и теперь того же самого ждал от Эверлинга. – Прости.

– Нет. – И было непонятно, то ли Эверлинг отказывался сделать то, что нужно, то ли не принимал извинения.

– У тебя нет выбора.

Эверлинг со всей силы ударил в землю рядом с головой Герсия. Он быстро глянул в сторону Ирмтона, понимая, что медлить дальше нельзя и что выбора у него действительно нет.

– Я тебя ненавижу, – сказал Эверлинг и первый раз ударил Герсия по лицу.

Тот бой нельзя было назвать боем – скорее, избиением. Герсий Мидос не предпринял ни одной попытки увернуться или напасть самому. Он позволял Эверлингу наносить один удар за другим без перерыва, пока Эверлинг не остановился сам, не поднялся на ноги и не отошел на несколько шагов.

– Поднимайся!

Герсий привстал. Ему потребовалось намного больше времени, чтобы встать. Передышка длилась недолго: едва Герсий оказался напротив Эверлинга, как тот вновь набросился на него и снова бил, бил, бил. Разбив собственные кулаки и не разбирая, куда наносит удары, Эверлинг едва ли вообще понимал, что происходит. Просто в один момент у него больше не осталось сил бить, а у Герсия – находиться в сознании. Оба рухнули на землю. Один отключился, другой просто не двигался.

Зрители молчали. Это был первый бой, когда Эверлинг Рагнар не использовал свою смертоносную магию. Руки у него были в крови. На Герсии не осталось живого места.

Аристократы прозвали Эверлинга Кровавым Императором – это звучало напыщенно и зловеще. Эверлингу никогда не нравилось, и он никогда не понимал, почему прозвище появилось именно после боя с Герсием, но в подробности не вдавался – слишком ненавидел и прозвище, и тот бой, и последствия, которые ждали их обоих, ненавидел Герсия за его бесхребетность и себя за совершенные действия.

Герсия тогда кинули в карцер, но там он провел значительно меньше времени, чем отсутствовал среди остальных бойцов.

Это случилось пять лет назад, но воспоминания оживали в памяти, словно все случилось вчера. Герсий надел черный костюм, принесенный стражником. У него оставалось полчаса до начала боя с парнем, с которым он познакомился около года назад.

Эсмонд Ванджелис был веселым пареньком на пару лет младше Герсия, владел магией света, как-то раз просил совета у Эванжелины. Больше Герсий о нем ничего не знал. Сблизившись много лет назад с Эверлингом и Эванжелиной, а после с Джодерой и Джейлеем, он не хотел больше заводить новых знакомств. Особенно после боя с Эверлингом. Никто никогда не знал, сколько еще времени им было отведено – на жизнь и на дружбу. Иногда ему казалось, что он зря позволил себе привязаться к этим четверым.

Кто-то постучал в дверь. От неожиданности Герсий вздрогнул, но быстро взял себя в руки и вышел из спальни. Охранник, молодой парень, кивнул в сторону коридора. Стражники не любили разговаривать с бойцами, словно от одного произнесенного слова могли испачкаться.

Герсий внимательно рассматривал его, изучал каждую деталь, предполагая, хватит ли ему скорости, сил и возможности в нужный момент сбежать, в нужный момент взять его под контроль. Охранник остановился рядом с Ирмтоном Пини, который, осмотрев Герсия с головы до ног, поджал губы: что-то во внешнем виде ему не понравилось, но что – он не сказал.

– Хочу зрелища, – коротко произнес Ирмтон. – Знаю, ты умеешь это. Мистер Аластар Конн рассказывал. Так что не подведи, Жрец.

Герсия передернуло. Это прозвище знали только те, кто когда-то заплатил за него. Это прозвище дали ему за его прошлое, которое мало чем отличалось от прошлого обычной пор-

товой шлюхи. Это прозвище заставляло испытывать первобытный ужас и возвращаться в те моменты, которые он предпочел бы забыть.

– Ты умеешь изматывать, но я хочу... драки. Неистойой, быстрой, кровавой. Если Эсмонд сможет, пусть обожжет тебя. Не бери его под контроль сразу. Ты ведь умеешь драться не хуже Кровавого Императора, так дерись. Так долго, как можешь. Сколько будет хватать сил, – продолжал Ирмтон Пини.

Герсий слушал Ирмтона вполуха. Сегодня его сопровождал охранник, с которым Герсий легко мог бы справиться, судя по растерянному виду – новенький. Это был единственный шанс сбежать.

Герсий кивнул.

Ирмтон прищурился и сжал его плечо:

– Ты меня слышал?

– Да, сэр, – незамедлительно ответил Герсий.

Решетка перед ним поднялась с протяжным скрипом. Герсий Мидос вышел на арену. Толпа взревела как по команде.

С другой стороны стражники тоже подняли железные балки, выпустив на арену Эсмонда Ванджелиса. Зрители хлопали.

Закончить бой побыстрее. Взять под контроль того молодого стражника. Не дать ему надеть на себя ошейник. Уйти побыстрее от Ирмтона Пини. Найти Эверлинга, Эванжелину, Джодеру и Джейлея. Сбежать. План казался простым, главное – успеть все вовремя. Главное, чтобы Ирмтон ничего не заподозрил.

Герсий вышел на арену. Навстречу ему шел Эсмонд.

Он нахмурился, коснулся пальцами шеи – так непривычно было не чувствовать тонкого металла на коже. Герсий пытался сфокусироваться на своих эмоциях и эмоциях противника, но шум толпы сбивал. Множество голосов раздавались в голове, и каждый хотел быть услышанным. Он ненавидел эти секунды, эти минуты, эти часы, когда ошейник снимали.

Магия разума – самая сильная магия, она может подчинять любого. Сильные маги могли за раз подчинить до тридцати человек. Когда у Герсия получилось завладеть сознанием двадцати с лишним человек, голова начала раскалываться, будто по ней били молотком. Перед глазами все поплыло, пульс и сердцебиение замедлились. Он думал, что погибнет, но в итоге просто потерял сознание. Герсию было восемнадцать, и после того случая Ирмтон Пини больше не позволял ему тренироваться со всеми.

Некоторые шептались, что когда-то у какого-то неизвестного мага разума получилось контролировать примерно пятьдесят человек, но Герсий был уверен, что то были всего лишь слухи.

Иногда Герсий думал, что, позволь ему кто-то ходить без ошейника, он бы привык к постоянным крикам в голове, к бесконечному потоку чужих эмоций, к зову о помощи. Все молили о помощи, пусть не всегда осознавали это.

Выйдя на арену, он почувствовал сначала собственную растерянность, потом чужие ярость и жажду крови, восторг и возбуждение, нечеловеческую жестокую радость и предвкушение. Все это слилось в одно. Нарушенное дыхание и сердцебиение в начале битвы были для Герсия нормой, но каждый раз это приносило нескончаемую усталость и желание забиться в угол.

Пауза затянулась. Ни Герсий, ни Эсмонд не спешили начинать, и рев зрителей из восторженного превратился в разочарованный.

– Не хочу делать тебе больно, – сказал Эсмонд. – Но придется. Нам ведь дали одни и те же установки?

Герсий не сразу услышал его слова, и потребовалось какое-то время, чтобы понять их смысл. Он согласно кивнул: им дали одни и те же установки. На кончиках пальцев у Эсмонда

появились маленькие яркие искорки, похожие на светлячков. Он сжал руки в кулаки, пряча крохотные огоньки, и кинулся на Герсия.

Увернуться получилось в самый последний момент. Рука Эсмонда проскользнула в миллиметре от лица. И в ту же секунду Герсий успокоился. Сохранив равновесие, он отступил в сторону и сам ударил Эсмонда достаточно сильно, чтобы сбить его с толку, но недостаточно, чтобы противник упал. Он посмотрел на Ирмтона: судя по его виду, тот был доволен самым началом боя, несмотря на внеплановую паузу.

Герсий заставил себя сосредоточиться на эмоциях Эсмонда Ванджелиса, лишь бы не замечать разрывающие изнутри чувства зрителей. Эсмонд действительно не хотел делать Герсию больно. Он вообще никому не хотел делать больно. И в этом Эсмонд напомнил Герсию добрую Эванжелину. Им обоим было здесь не место.

У Эсмонда сердце билось так, что казалось, оно либо выпрыгнет из груди, либо разорвется на части прямо внутри. Герсий, конечно, понимал, что оба варианта невозможны, но именно так он ощущал состояние Эсмонда. Это не было страхом, не было паническим ужасом. Скорее, четким осознанием неизбежного и острым желанием все изменить.

Толпа на несколько долгих секунд притихла, а потом снова закричала, требуя зрелищ. Герсий не вслушивался в то, что они кричали; ему вполне хватало их эмоций. Эсмонд хотел нанести еще удар, оказался напротив Герсия, посмотрел в глаза. Но Герсий не мог больше медлить. Если он изматает себя в этой бойне, то сил вытащить их с арены не будет, а это значило, что Эверлингу придется сражаться с Эванжелиной, это значило, что Эванжелина проиграет, не сумев выстоять против того, кто ее оберегал с момента, как она попала на арену. Это значило, что брат должен будет навредить сестре, а сестра – брату. Герсий не мог этого допустить.

Эсмонд, столкнувшись глазами с Герсием, попал под его влияние. Зрачки у обоих сузились.

Герсий думал недолго: он мысленно приказал Эсмонду нанести себе ожоги на ноги.

– Я тоже не хочу делать тебе больно, но должен. Прости.

Эсмонд ему не ответил, но закричал, когда яркие огни на кончиках пальцев коснулись бедер. Ткань на брюках сгорела, на коже проступили волдыри. Он закричал так громко, что Герсий испугался оглохнуть. А лучше сразу потерять сознание, потому что слышать крики тех, кого он ранил, всегда было невыносимо.

Бой закончился. Сознание Эсмонда снова принадлежало Эсмонду.

Герсий, не дожидаясь взбешенного Ирмтона, сам направился к выходу. Толпа аристократов разочарованно гудела, и их разочарование проникало ему под кожу, впивалось когтями во внутренности. Герсий гнал чужие чувства, но они пожирали без остановки.

Ирмтон Пини залепил ему пощечину.

– У меня складывается смутное ощущение, будто тебе нравится подставлять зад всем, кто готов тебя трахать. Так, может, я сразу отдам тебя в бордель? Буду забирать исключительно на бои, – сквозь сжатые зубы прошипел Ирмтон.

Герсий не отвечал и смотрел вниз. Щека неприятно горела после удара, напрашиваться на новый не хотелось, поэтому он сжимал челюсти.

Сзади подошел охранник. Сейчас у него должна быть доля секунды, прежде чем...

Герсий поймал взгляд охранника. Он был благодарен за то, что научился быстро использовать силу, позволяющую брать контроль над людьми. Именно этого требовал от него Ирмтон Пини на тренировках. Охранник быстро выдохнул, взгляд у него стал чуть более равнодушным.

Он привычным движением надел ошейник. В тот момент, когда замок должен был щелкнуть, Герсий закашлялся.

– Скройся с моих глаз! – рявкнул Ирмтон. – Я разберусь с тобой позже.

Герсий в сопровождении охранника направился по коридору, надеясь, что незастегнутый ошейник не рухнет на глазах у Ирмтона. Пришлось идти медленнее, чем обычно. Спина

напряглась, Герсий изо всех сил старался не делать лишних движений, и ему казалось, что идет он слишком неестественно. Но Ирмтон ничего не крикнул вслед. Герсий выдохнул, оказавшись около резных дверей, за которыми его должны были ждать Эверлинг, Эванжелина и Джейлей с Джодерой.

Охранник машинально открыл дверь. Герсий взял под контроль двоих, стоявших на входе.

Четыре пары глаз удивленно уставились на него.

– Уже? – удивленно спросила Джодера.

– Бой закончен? – растеряно уточнил Джейлей. – Если да, то, надеюсь, в твою пользу.

Эверлинг и Эванжелина молча смотрели на него. В зал зашла девушка, но, столкнувшись глазами с Герсием, сразу же вышла. Эверлинг проводил ее настороженным взглядом и повернулся к Герсию.

– Какого демона? – спросил Эверлинг, заметив рассеянный взгляд охранника.

– Мы уходим, – выпалил Герсий. – Немедленно.

– Что? – подскочила Джодера.

– Ты рехнулся? – прикрикнул Эверлинг.

– Прямо сейчас? – не понял Джейлей.

– Куда? – удивленно спросила Эванжелина.

– Потом объясню. Бегом!

Герсий указал на дверь и решительно направился к ней. Охранник последовал за ним, не произнеся ни слова. Все проследили за ними, но не спешили, не понимая, шутка это, на которую Герсия заставил пойти Ирмтон, или реальность и он решил претворить в жизнь план побега. Первым от общего оцепенения отошел Эверлинг.

– Да ну все к демонам! – воскликнув, он вскочил на ноги и направился за Герсием.

Джодера и Джейлей, переглянувшись, тоже приняли решение пойти за ними, хоть и не были до конца уверены в правильности своих действий.

Эванжелина, поджав губы, поняла, что выбирать особо не из чего: не останется же она одна на арене, лишь бы не навлечь беду на других, учитывая, что они сами с этим прекрасно справлялись. Да и оставить их казалось более абсурдным, чем сбежать из «Небесного берега».

Оказавшись в жилых коридорах, они разошлись по своим комнатам, чтобы быстро переодеться в обычную одежду, пусть в старую и потертую, но она была лучше серых ночнушек и пижамно-спортивных костюмов, в которых их заставляли ходить на территории арены. К тому же старая одежда будет не так сильно бросаться в глаза, как форма бойцов.

Времени на то, чтобы бежать к жилым коридорам стражников и инструкторов и забрать ключи от остальных ошейников, у них не было. Герсий понимал, что, даже если он возьмет под контроль каждого, кто встретится им на пути, уйти будет сложнее, поднимется шумиха, и тогда ни погони, ни драки будет не избежать. Уйти следовало быстро и незаметно. Они найдут способ снять ошейники.

Охранник терпеливо ждал за дверью, не шевелясь. Вышли все с разницей в пару секунд.

– Есть какой-то конкретный план? – спросила Эванжелина, прижимая к себе игрушечную птичку с наполовину оторванным крылом.

Эверлинг улыбнулся уголками губ, увидев игрушку в ее руках.

– Или мы просто движемся, куда глаза глядят?

Из соседней комнаты вышел мужчина лет тридцати в сером костюме. Он находился на арене дольше их всех, но они никогда особо не общались. Он окинул их недоверчивым взглядом и приподнял одну бровь.

– Куда собрались? – Голос его источал недовольство, и вряд ли кто-то подумал бы его винить за это.

Герсий поправил ворот черной рубашки и подошел к нему, коснулся плеча. Мужчина хотел возмутиться, но не успел. Зрачки сузились, плечи расслабленно опустились. Он молча вернулся к себе в комнату.

Рука Герсия дернулась и сама потянулась к ошейнику, который очень хотелось защелкнуть. Боец, который мог бы им помешать, жил в состоянии вечного недовольства и уже несколько лет не испытывал ни одной хорошей эмоции. То же самое сейчас испытывал Герсий, словно рядом не было ни Эверлинга, готового защищать, ни Эванжелины, всегда заботящейся обо всех, ни Джодеры и Джейлея, старавшихся всегда всех развеселить. Он медленно выдохнул.

Голова гудела, он чувствовал все, что чувствовали те, кто находился в соседних комнатах, эмоции друзей и эмоции охранника, подчинявшегося ему. Стражник хотел вернуть контроль, но сопротивлялся недостаточно сильно – Герсий был сильнее.

– Проведи нас наружу, – попросил Герсий.

Охранник кивнул и повел их в сторону выхода.

Для магов-бойцов выход находился в противоположной стороне от арены и входа для зрителей. Туда вел узкий коридор с каменными, словно тюремными, стенами и небольшая лестница. Освещения в коридоре практически не было, и убирались там непозволительно редко.

Герсий снова потянулся к ошейнику. Эмоции близких людей действовали не так губительно, как чужие, но он слишком редко снимал ошейник и оттого забыл, каково это – испытывать все то, что чувствовали люди вокруг.

Эверлинг быстро его нагнал и перехватил ладонь:

– Опомнись. Защелкнешь его, и нам конец.

Герсий опустил руку.

Джодера и Джейлей шли позади всех и постоянно оглядывались. Страх сковал их. Идея сбежать была для них не более чем несбыточным приключением, на которое они никогда бы не решились. Им до самого последнего момента не верилось, что действительно удастся уйти. И в момент, когда подошли к лестнице, они остановились как вкопанные и сжали руки друг друга. Попасть в реальный мир спустя столько лет казалось нереальным. Джодера сглотнула ком в горле, Джейлей до боли стиснул ее ладонь.

Эванжелина чувствовала себя спокойно, не до конца веря в происходящее. Только вчера они с Герсием и Эверлингом выходили в город по официальному разрешению Ирмтона Пини, а сегодня становились беглецами. На них объявят охоту. Ирмтон Пини и король Иоганн обязательно подключат армию, натренированных солдат и профессиональных убийц. За их головы назначат высокую цену. Но Эванжелина не была готова сражаться с Эверлингом. А еще она очень хотела снова увидеть отца, но сомневалась, что получится. Сжав игрушку-птичку, Эванжелина наступила на первую ступеньку, смотря вслед охраннику, Эверлингу и Герсию.

Эверлинг сжал плечо Герсия, будто бы передавал свою уверенность ему. Пусть идея с побегом глупа и безумна, пусть шансы невелики, но они должны были попробовать. Пусть он злился на Герсия так сильно, что иногда хотелось разбить ему лицо, но сейчас не мог не поддержать попытку спасти их всех, потому что лучше умереть, чем навредить Эванжелине.

Почувствовав прикосновение Эверлинга, Герсий сначала напрягся сильнее, а потом резко успокоился. Эмоции других отошли на второй план, он чувствовал только его стальную уверенность в победе. Герсий хотел накрыть своей ладонью руку Эверлинга, но удержался: ему бы не понравилось.

Они забрались на самый верх и заметили двух охранников на выходе.

Поначалу Герсий хотел приказать стражнику, который был с ними, договориться, но потом понял, что идея плохая. Разрешений нет, а стражники вряд ли пропустят их, услышав вранье о приказе Ирмтона Пини. Они подошли ближе.

– Вас здесь быть не должно! – выкрикнул один из охранников.

Оба вскинули ружья на изготовку, сняли их с предохранителя.

Герсий медленно вышел вперед, поднял руки. Ему потребовалось две секунды, чтобы сначала завладеть сознанием одного, потом – второго. Они опустили ружья и отступили в разные стороны, как по команде, хотя Герсий не произнес ни слова. На это его тоже натаскивал Ирмтон: так можно было устроить более интересное представление. Герсию потребовалось примерно четыре года, чтобы научиться управлять людьми молча.

– Вперед, – скомандовал Эверлинг.

Все пятеро очутились на улице. Трое охранников остались внутри. Здание, где ночевали стражники, тренеры и другие работники арены, с виду напоминало ничем не примечательный жилой многоквартирный дом. Строение из коричневого кирпича сливалось с другими зданиями вокруг, выделялись разве что резные позолоченные ворота.

Стражники у выхода так же быстро оказались под влиянием Герсия. Ворота перед ними открылись, освещая путь на свободу. Свободой их дальнейшую жизнь назвать было сложно, но уйти из-под контроля Ирмтона Пини позволило бы вдохнуть полной грудью.

На улице Герсий заметил еще четырех стражников, и подчинить их себе оказалось сложнее – они не смотрели на них. Он остановился. Двое тех, кто поддался магии разума, направились к внешним воротам.

– Что происходит? – выкрикнул один из охранников с ружьем наперевес.

Ему никто не ответил.

Герсий начинал нервничать.

Эванжелина приблизилась к нему и тихо произнесла:

– Они должны что-то сказать. Не бойся, у тебя все получится так, как надо.

– Куда вы направляетесь? У нас нет распоряжения...

– Приказ Ирмтона Пини! – отчеканил один стражник, произнося вслух мысли Герсия.

– Что за приказ? – не унимался охранник.

Герсий мысленно велел им открыть ворота, надеясь, что ключи были не только у тех, кто дежурил снаружи, но и у этих двоих. Именно так и оказалось. Он быстро прерывисто выдохнул.

Едва решетчатые створы открылись, бойцы, не думая, со всех ног побежали к выходу. Четверо стражников довольно быстро пришли в себя: двое начали стрелять по беглецам, а двое погнались следом. Охрана в «Небесном берегу» была хорошей, но натренированные годами бойцы все равно оказались лучше. Догнать их не смогли, да и ни одна пуля не попала, потому что стрелявшие опасались попасть по двум охранникам. У них наверняка был план на случай попытки побега, но никто не был готов к тому, что кто-то из магов действительно рискнет.

Они бросились к ближайшему переулку, в котором мало-мальски можно было скрыться. Магия разума Герсия растворилась, как только они свернули за угол. Стражники пришли в себя, не до конца понимая, что произошло и почему сознание такое затуманенное.

Герсий схватился за ошейник набегу, сжал металлическое окаймление и в очередной раз удержал себя от желания защелкнуть замок. Поток эмоций обрушился на него. Люди на улице, люди из соседних домов. Кто-то радовался и отмечал какой-то праздник, кто-то рыдал в подушку от горя. Кто-то спешил на важную встречу, а кто-то – на свидание. У всех были разные жизни и разные эмоции.

Они бежали по узкой улочке, скрытой от любопытных глаз, но легче от этого не становилось. Герсий резко притормозил и опустился на одно колено. Сжал свою шею и зажмурил глаза. Эверлинг затормозил и обернулся. Остальные тоже вовремя заметили и успели остановиться.

Эванжелина присела рядом, когда Герсий зажал уши. Она положила руку ему на плечо, осторожно погладила. У нее по венам растекалось спокойствие, хотя сердце бешено стучало от бега. Она слабо улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.